

Дарья Усвятова

КАЗАЧИЙ СПАС.

Книга вторая

Справный Дом

Предисловие

Летом 2001 года судьба свела меня с донской казачкой Домной Федоровной Калитвиной. Эта шестидесятилетняя женщина принадлежит к старинному роду казаков-характерников, хранителей древнего знания о Казачьем Спасе (так исстари называли духовную традицию, вобравшую в себя уникальный опыт выживания десятков поколений вольных людей, селившихся на донских берегах со времен татаро-монгольских орд).

Мое знакомство с семьей Калитвиных началось с трагического для меня обстоятельства: проводя раскопки степного кургана, я чуть не стала жертвой проклятия, которым, по легенде, хан Батый заклял зарытое им в кургане золото. Благодаря врачебному мастерству и духовным знаниям Домны Калитвиной я благополучно избежала смерти. Тогда же и началось мое обучение Казачьему Спасу. Почти целое лето (с небольшими перерывами) и часть осени я жила на хуторе казаков Калитвиных. Изо дня в день Домна Федоровна посвящала меня в таинства Казачьего Спаса, учила духовным практикам, упражнениям и ритуалам, помогающим человеку достичь гармонии и равновесия, стать единым целым с окружающим миром. Постепенно мне открывалась суть древнего знания. Первые шаги на этом пути описаны в моей книге о Домне Калитвиной «Путь Спаса».

Второй этап обучения (он пришелся на следующее лето) был почти полностью посвящен своду знаний, который в Казачьем Спасе именуется «Справный дом». Это система обустройства и ведения дома, гармонично вписанного в пространство Вселенной: дома – помощника, дома – хранителя, дома – родового гнезда.

Казаки издавна считали, что только жильё, устроенное по всем правилам Казачьего Спаса, может принести человеку семейное благополучие, достаток и благоденствие. Ныне знающие люди видят корень всех бед современного общества именно в отсутствии такого жилья...

Безусловно, описанная в этой книге система домоустройства, предназначена прежде всего для жизни на своей земле, в своем собственном доме. Однако, используя общие правила и следуя закону Казачьего Спаса, городской житель сможет без труда превратить типовую квартиру в Справный дом.

[1]Глава 1

[1]**Жильё — жило — жизнь**

Ночь проглотила короткие вечерние сумерки. В окне виднелось только отражение мятых простыней на верхних полках и темного зеркала на двери купе. Время от времени в нем вспыхивали и тут же гасли огни полустанков, на которых никогда не останавливаются скорые поезда — такие, как тот, что сейчас уносил меня вдаль от городских проблем к вольным донским степям. В дороге прошли уже сутки, в Ростов мы приедем ранним утром, и надо бы поспать... Но сон никак не шел в голову, я сидела и смотрела в

черноту за окном, представляя себе Калитвинский хутор, свою любимую наставницу и ее добродушное семейство. Мне грезился ухоженный, весь в цветах, двор, роскошный сад, где уже наверняка поспела черешня, кузня, пасека, и — новый дом Федора, сына хозяйки. Осенью он собрался жениться, и теперь на хуторе вовсю кипит строительство. Почему-то думалось, что место для дома Федор определил именно в центре сада, где, закрытые пленкой даже в самую сильную жару, растут хризантемы капризных экзотических сортов, привезенные в подарок хозяйке одним из старших сыновей...

В апреле, будучи у меня в гостях, Домна Федоровна рассказывала, что Федор строит новое жилище согласно Казачьему Спасу, и я тут же загорелась идеей принять участие в создании Справного Дома. Но тогда это казалось лишь мечтой: на все лето у меня были запланированы масштабные раскопки, и, хотя проводиться они должны были недалеко от хутора, времени на общение с наставницей (а тем более на то, чтобы помочь хозяевам в стройке), у меня не нашлось бы в любом случае. Но Домна Федоровна посоветовала мне не расстраиваться, а во всем положиться на Спас. И действительно, прошел только месяц, как все устроилось самым чудесным образом. В конце мая из Академии Наук в Институт пришел запрос по моему кургану. Оказалось, что раскопки на территории Среднего Дона по закону не могут осуществляться на уровне университетских исследований, и все собранные материалы следует передать в Академию. Узнав об этом, я ничуть не расстроилась: во-первых, у меня полностью освобождалось лето — все прочие экспедиции были уже распределены по группам и (самое главное!) по финансам. А во-вторых, академические археологи, запретив полевые работы от имени Института, все-таки попросили меня, как специалиста, хорошо знающего местность, поработать на раскопках (назначенных на середину августа) консультантом.

Словом, на Дону по делам исследовательским мне предстояло появиться лишь в конце лета, а потому сразу же по окончании сессии я с чистой совестью взяла отпуск и отправилась на хутор к целительнице. Однако в этот раз я ехала не одна: помня слова знахарки о том, что мужа нельзя оставлять надолго, я уговорила его поехать со мной. (Тем более что отдых Володе был нужен как никому другому: он только-только завершил самый сложный грантовый проект, а в августе ему предстояла двухмесячная поездка в Европу, перед которой надо было отвлечься от научных проблем и набраться сил.)

Нас встретил Федор на своей "Газели", но сразу домой не повез: сыну знахарки понадобилось прикупить в Ростове кое-что для строительства.

В хутор мы добрались только к полудню; расцеловавшись с хозяевами и вручив привезенные подарки, я зашла на баз и сразу же бросила взгляд в центр сада, однако не увидела никаких изменений: оранжерея стояла там же, где и всегда... Я крикнула Федора, спросила, где же строится новый дом, в ответ он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. Я повернула голову в том направлении, но за деревьями ничего не было видно. Тут меня позвала хозяйка и сказала, что баня для нас готова. Так и не увидев стройки, мы с Володей пошли мыться и стираться с дороги.

Поселили нас в доме-больнице; мой муж с радостным удивлением оглядывал обстановку, отмечал, как все в доме устроено разумно, просто и уютно; походил по комнатам, уважительно просмотрел названия на корешках книг. Было заметно, что ему здесь нравится, и я вздохнула с облегчением: честно говоря, до этого момента я не очень хорошо себе представляла своего мужа (до мозга костей пропитанного городским образом жизни) в сельской среде.

Разложив вещи по полочкам, мы вышли на залитый солнцем двор. Хозяйка в летней кухне собирала обед для строителей, заметив нас, попросила минут пять обождать, пока она не отправит Федора с кастрюлями и посудой на "план"*; потом займется нами. Но мне до того не терпелось посмотреть место, где

ее сын решил поставить дом, что я попросила Домну Федоровну не заботиться о нас специально, а разрешить пообедать вместе с рабочими. (Тем более что сейчас ее семья столовалась там: дом должен быть готов к свадьбе, и строиться Федору помогали все, от мала до велика.)

[примечание]

**План — на Юге общее название участка, где строится новый дом (относится только к частному строительству). (Здесь и далее примечания автора.)*

Честно говоря, место, где на каменном, в метр вышиной, постаменте цокольного этажа стоял уже почти готовый (но без крыши) сруб, меня разочаровало. В голой степи, близко от пыльной дороги, никаких внешних красот — ни реки, ни деревьев, лишь негустой перелесок позади (да и то где-то вдалеке). Мне подумалось, что уж кто-кто, а Калитвины должны были выбрать место для жилища, прямо скажем, поживописнее. Удивило меня и то, что строящийся дом — деревянный. Бревна, правда, были добротные и ровные, прилегали в венцах одно к одному, без зазоров и щелей. Но все-таки мне казалось, что столь зажиточная семья может позволить себе дом "побогаче" — из природного камня или модного здесь "итальянца" (итальянского кирпича). Разумеется, я ничего не сказала хозяевам, улыбалась, хвалила сруб, обошла вокруг стройку, вошла внутрь... Федор планировал сделать в доме три комнаты, но перегородок еще не было: это дело последнее, сначала надо поставить печь (у казаков она располагается не в углу, как в русских избах, а в центре дома — отголосок старой дружбы с кочевниками). Пока же на месте печи красовалась... невысокая молодая рябинка в кадке с землей. Алексей Петрович пояснил, что это — первое дерево в новом хозяйстве, и пока сруб не покроют крышей, оно должно стоять в пределах дома, затем его пересадят во двор. Такое "домовое дерево" — древо новой жизни — заряжает строящийся дом энергией роста и процветания.

А вот моего мужа стройка привела в восторг. Он с явным удовольствием разговаривал с плотниками, трогал инструменты, вникал в технологии, и, в конце концов, заявил, что не хочет празднично болтаться по окрестностям, а желает включиться в работу. Меня это потрясло до глубины души: вот тебе и научный сотрудник! Никогда в жизни не видела Володю с пилой, топором или прочим инструментом в руках...

После обеда муж так и остался на "плану", а мы с Домной Федоровной собрали посуду и пошли домой. Перемыв кастрюли и тарелки, мы уселись на скамеечках во дворе с двумя тазиками вишни: к ужину хозяйка на всю бригаду наготовит вареников. Очищая сочные вишни от косточек (естественно, отправляя при этом каждую вторую ягоду в рот), я начала осторожно расспрашивать хозяйку о месте строительства, выборе материалов... Мое недоумение не укрылось от острого глаза знахарки:

— Что, Дарья, думаешь — место для дома некрасивое, пустое? Ну так ведь не место красит человека, а человек — место. Когда наши предки сюда пришли, тоже кругом одна степь была. А Федюня там строится не вдруг: хоть и пусто, и дорога рядом, а место непростое, сильное.

— Что значит сильное, Домна Федоровна?

— А то. Давно еще примечали: как лошадей в ночное гнать, так один-два коника там непременно встанут, постоят. И когда стадо станичное на выпас идет, коровы телье часто отдыхать ложатся. Сила там для живого хорошая, благодатная. А дом ведь это и есть жизнь.

Последних ее слов я не поняла: ну да, в доме проходит значительная часть жизни, но есть еще и работа, и путешествия...

Знахарка разъяснила:

— Я тебе про самое слово толкую. Дом, хата, квартира — это все имена, чтобы как-то форму обозначить. А суть в другом слове скрыта, и слово это — жилище, жило. Оно и значит жизнь. Худо тому, у кого жила нету.

— Жила, в смысле, жилья постоянного?

— Да нет, я про другое гуторю. Ну вот сама же знаешь, как бывает иногда — квартира есть своя у человека, большая, богатая, или дом отстроит — что дворец. А счастья нет, в семье раздоры, жизнь не ладится. Значит, дом несправный, без жила.

— И почему же это происходит?

— По разным причинам. Может, построили там, где нельзя.

— А где нельзя?

— Там, где могила, или кладбище было. Вообще, рядом с кладбищем жить не следует. Мертвое место живому мешать будет. И церковь — тоже нехорошо, когда коло дома находится. А уж на месте порушенного храма селиться и вовсе не к добру. Еще где дорога раньше проходила, строиться не след — счастье в доме не задержится.

— Ну, а мне, например, как узнать, в хорошем месте дом расположен, где квартира наша находится, или нет? Строили-то до нас еще...

— Узнать ты можешь очень просто. Есть растения особые, к энергиям чуткие. При тяжелой, плохой энергетике они погибают, сохнут.

— И что же это за растения?

— Розы к энергетическим влияниям чувствительные, олеандры. И хвойные растения — елочка, кипарис, можжевельник. Но у тебя — я и так скажу — место не плохое. Хотя и не сильное, так себе, нейтральное. Таких мест у вас в городе большинство. Тоже жить можно, когда выбора нет. Но все равно, справный дом без жила не устроить. Когда жило есть, и лачужка хоромами кажется. Кстати, вот еще слово хорошее — хоромы, храм то есть. Дом ведь, что храм, Духом Святым стоит.

Знахарка значительно помолчала.

— Значит, сперва надо место подобрать пригодное, счастливое, как мы Феде выбрали. Оно, кстати, местечко-то, не такое уж и бестолковое, как тебе сперва показалось. Пойдешь другой раз, присмотришь: пригорочек под фундамент ровенький, на плану земляца хорошая, жирная, много ключей под ней — хоть колодец ставь, хоть колонку. Коли есть влага подземная, значит, сад-огород будет расти знатно, ни в какую жару не усохнет. Мы с Алешкой еще много лет тому думали: если что, новую хату там ставить нужно. Ну, и по весне еще, перед началом стройки, проверяли — будет там счастье или нет. По всему вышло, что будет.

— И как же это проверить можно?

— В любой четверг Великого поста в ночь на пятницу надо в том месте, где фундамент планируешь ставить, насыпать зерна по четырем сторонам — на Восток, Запад, Север и Юг. Посредине крестик еще ставят у нас деревянный. С утра, как солнце взойдет, надо идти смотреть. Если зерно нетронутое — место правильное, можно дом ставить. Ну, а если мыши растащили либо ветром разнесло — счастья не жди. Здесь же Федьке повезло вдвойне: мало что пшеница осталась целая, так за ночь ее еще и снежком присыпало. Знак хороший, к прибыли, к богатству.

Ворожея как бы задумалась и прибавила:

— Я тебе вообще, доня, скажу: ежели в чем сомневаешься, или не знаешь, как поступить, или вопрос какой тебя мучит — можно так же делать.

Я ее не поняла:

— Как, Домна Федоровна? Вы о чем?

— О зернышках. Допустим, надо тебе решение какое-то принять, а не знаешь — верное оно или нет. Так ты на ночь на балконе горсточку зерна насыпь, крестик из палочек туда воткни и загадай. Если к утру не тронуто зерно — все хорошо, если неполная кучка — лучше другой путь поискать.

Знахарка подвинула к себе мой тазик с вишнями: свой она уже перебрала и очистила, а в моем оставалось еще больше половины.

— Место, стало быть, мы выбрали. Следом надо время подгадать правильное. Дело такое всегда начинают Великим Постом, на молодике (в новолуние то бишь). Тут и году начало (ты ж знаешь, предки наши, в языческие еще времена, не от января год считали, как мы сейчас, а от Масленицы), и деревья, трава, зелень всякая после зимы просыпаются, и солнышко силу набирает. Все к прибавлению идет, вот и дом новый этой энергией напитывается. Перед тем как фундамент заливать, яму роют квадратную, в размер дома, а на дне ее чертят крест по сторонам света. Крест этот делит место на четыре части. Кто в доме хозяин будет, тот приносит с четырех полей камни и по центру квадратов зарывает. Это, стало быть, для того чтобы детишки в доме водились, как хлеб на тех полях. К Пасхе фундамент заливаем, да не просто так: под него жило кладется.

— Как — кладется? Жило это что, какой-то особый строительный материал, что ли?

Знахарка улыбнулась:

— Нет, доня, жило тут — не лес и не кирпичи, а энергия жизненная. Еще так мы зовем вещи особые, их земле дарят, чтобы дом держала. Раньше петуха с куркой под фундамент закапывали, а теперь кладем шерсти клочок, колос пшеничный и свечку с церкви. Еще монет медных и серебряных накидаем по всем углам. Под стодарник крестик надо зарыть обязательно, и бутылочку со святой водой.

— Подо что?

— Под стодарник. Место в доме, где иконы висят. Красный угол, то есть. Так вот, — продолжала она, — фундамент мы освятили, можно заливать. К Преполовению он подсохнет, время сруб ставить, чтобы Троицу захватить. Самое доброе время, у нас говорят — без Троицы дом не строится. В Петров пост как раз крышу крыть начинаем.

— Кстати, Домна Федоровна... У вас дома — каменные, а Федор строит деревянный...

Целительница улыбнулась.

— Что, думаешь, денег сынку на кирпич пожалели?

— Нет, ну что вы... — я смутилась. — Просто я вообще на Дону деревянных домов мало видела, в основном каменные все.

— В основном, доня, не каменные, а рубленые, саманом обмазанные. Вот уж не думала, что археолог может настолько не разбираться в жилищах. И наш с Алексеем дом такой, и тот, где ты с мужем живешь, тоже. Так дома в старину строили, и я тебе скажу, этот способ гораздо лучше, чем кирпич или камень. Дерево тепло дает, саман его удерживает. Зимой дом прогревается быстро, и не стынет, а летом прохладу хранит. Стены бревенчато-саманные — не чета кирпичным. Дерево дышит, и саман дышит — структура-то в нем пористая, воздушная.

[примечание]

*Саман — необожженный кирпич-сырец, приготовленный из глины с добавлением резаной соломы и навоза

— Но кирпичный-то дом все-таки долговечнее...

— А вот и не скажи. Ты как думаешь, сколько лет хате, где я вас поселила?

— Ну... лет пятьдесят.

— Двести лет ей с лишком! Самый первый дом Калитвинский. С него хутор повелся.

Я изумилась.

— Но этого не может быть! Он же, как новенький! Нарядный такой домик, как после ремонта.

— Потому через весну белим и красим. Кто о доме заботится, у того он и тысячу лет простоит. А саман кирпича прочнее, только влаги боится, ну да от этого уберечь проще простого: надо свес кровельный подлиннее да пошире делать. Ну, и следить, чтобы крыша не протекала.

— Так значит, сруб еще обмазывать будете?

— А как же! Как матицу положим, так и начнем.

Домна Федоровна дочистила последнюю ягоду, ссыпала вишни в один таз, и мы пошли на кухню. Там целительница растопила грубку, поставила кипятиться в огромной кастрюле воду. Затем тонко раскатала тесто, при помощи широкого бокала нарезала его кружочками; эти заготовки (которых было штук триста, не меньше) заняли весь стол. Мы принялись лепить вареники. У знахарки это получалось быстро и ловко, я, стараясь получше зашипнуть края, чтобы не разошлись при варке, натужно пыхтела и тратила на каждый вареник не меньше минуты. Хозяйку это веселило, и, смеясь, она продолжала рассказывать про жильё и жило:

— Жило не только под фундамент кладут. И под пол, и под потолок прилаживают, и на чердак кидают. Дом ведь Вселенной подобен: есть в нем подземный мир, земной и небесный. Каждый этот мир освятить надо, жизнь в него вдохнуть. Тогда и люди в доме будут здоровы и счастливы.

Я вздохнула.

— Значит, нам в городе жило в доме не светит. Какое там — выбор места и все остальное. Был бы угол свой, и то радость.

— Угол свой тоже обустроить с умом надо, — возразила знахарка. — А я тебе, доня, скажу — жило в любом жилище человеческом находиться может. Даже на самой разнесчастной земле. Лучше, конечно, чтобы дом стоял на хорошем месте, окошки в правильную сторону выходили, вход, где положено размещался. Но раз не получается, надо другими способами дом жизненной энергией заряжать.

— Какими, например?

— Например, сделать ремонт. Но не просто сделать, а соблюсти все по времени, как я тебе только что рассказывала. Жило где надо покласть (под фундамент зарыть в городском доме, ясное дело, не получится, но в углы положить под пол или под плинтуса — вполне возможно). Углы святой водой окропить и молитву прочесть особую. Ту молитву я тебе вечером дам списать, дома у себя над углами почитаешь. В этом году вы с ремонтом уже не затеетесь, ну да, углы освящать и без ремонта можно. А на следующую весну сделайте, вам давно пора квартиру-то в порядок приводить.

— Да, да я давно хочу! И Вовка уже созрел... Только вы мне все расскажите, как делать надо!

— Расскажу, покажу, посмотришь, поучишься, только не вдруг, а постепенно. Торопиться нам некуда — лето впереди.

Знахарка долепила последний вареник, поднялась и стала по одному опускать их в кипящую воду. Я стояла рядом: мне надо было вылавливать широченной шумовкой готовые вареники и складывать их в другую кастрюлю, на дне которой желтыми айсбергами высились куски топленого масла. За делами и разговорами прошли часы, солнце клонилось к закату. Пришел Федор; Домна Федоровна кивком головы

указала ему на кастрюлю с готовыми варениками. Он легко подхватил ее и понес на стройку. Мы двинулись за ним; хозяйка несла тарелки и чашки, я — большую *макитру** со сметаной.

[примечание]

**Макитра — глиняный горшок с широким горлом.*

Когда мы пришли, плотники уже собирали инструменты. Увидев Федора с кастрюлей, они обрадовались, засуетились, стараясь скорее закончить дела. Муж подошел к нам, обнял меня. Его футболка была волглой от пота, волосы тоже взмокли, но всем своим видом он излучал удовольствие и счастье.

— Во! — сказал он мне радостно и показал ладони: на них вспухли свежие мозоли.

После еды рабочие по очереди отправились в летний душ, устроенный тут же, на участке; Володя с ними. Я подождала, пока он вымоется, и мы пошли домой.

После физической работы на свежем воздухе мой муж уснул мгновенно, чуть голова коснулась подушки. Я потушила свет в нашей комнате и пошла в кабинет знахарки, переписывать молитву. Она была записана в одной из старинных тетрадей бабушки Оксиньи — той самой ученой книжницы, что тщательно заносила знания, касающиеся Казачьего Спаса, в тетрадки и книжечки. Я вглядывалась в страницы, будто здоровалась со старым добрым другом. Молитв на благополучие дома было множество, пока я списала только ту, что указала мне Домна Федоровна:

[цитата]

Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Печать буди дому сему. И сем представлен престол Господа вышняго. На престоле сидит сам Господь Саваоф. Коло его сидят вся силы небесныя, ангелы и архангелы, херувими и серафими. Сохраните дом сей от всякого зла. Отыдите сатана от дому его и от рабов Божиих в доме живущих. Во веки сохранит его сам Господь Бог, Пречистая Дева Матерь и со всеми святыми небесными силами от всех четырех стран. Во веки веков. Аминь.

Перед сном я вышла на веранду, вдохнула ночной воздух, в котором еще витали остатки весны, сладко потянулась. На небе зажегся тонкий серп молодого месяца. Приветствуя его, дружно пели сверчки. День кончился, мир задышал ночной, тайной жизнью.

[конец цитаты]

[дневник]

Дашин дневник, 27 июня

Первый день в гостях у Домны Федоровны, и уже столько событий!

Планы меняются: прогулкам по степи и любованию южными красотами Вовка предпочел физический труд на стройке. Впрочем, смена деятельности — тоже отдых. Что ж, значит, он будет проходить практику, а я — теорию Справного Дома. Сегодня Домна Федоровна рассказала мне, что главное в доме — жило, особая жизненная энергия. Без нее живущим в доме людям ни счастья, ни благосостояния не достичь. Чтобы в дом привлечь жило, надо совершить ряд практик. Желательно сделать ремонт, причем начинать его нужно в первое новолуние Великого Поста. Под половое покрытие в

углах положить клочок шерсти, несколько зернышек и кусочек церковной свечки (вместо свечки можно положить ладан). Также набросать денежной мелочи. Все это делать, приговаривая: "Дух Святой, Спасова рука, Богородицын замок, храните мою храмину!". Если благоприятного времени для начала ремонта ждать еще долго, можно просто освятить углы: зажечь церковную свечу, перекрестить огнем угол, окропить святой водой и проговорить молитву. Освящать углы надо при каждой большой уборке и перед важными событиями.

[конец дневника]

[1]Глава вторая

[1]Крест-солнце

Утро началось с Володькиных стонов и оханий: с непривычки у него ломило спину, болели руки и ноги. Алексей Петрович заглянул к нам, сказал, что сегодня работать моему мужу не стоит, придется денек обождать. "Какой денек! — подумала я. — Он теперь неделю мучаться будет". Домна Федоровна, не говоря ни слова, растопила баню, прямо в котле заварила душистые травы, вручила мне свежий можжевельный веник и показала, как надо хлестать им по направлению тока крови (то есть, в направлении лимфатических и кровеносных сосудов). Пока Володя раздевался в предбаннике, целительница увела меня в горницу, усадила за стол под иконами и велела закрыть глаза. Едва я опустила веки, ворожея сильно надавила тыльной стороной кулака на мой лоб. На ушко мне она прошептала заговор, который я должна была повторять про себя все время, пока парю мужа:

[цитата]

Лом, лом, тикай вон из жил-полужил, из пальцев-суставцев, из позвонков да коленцев. Архангел Гавриил, архангел Михаил, Святый Никола, сама Пречистая Богородица бей от всех скорбей раба Божья Владимира. Аминь.

[конец цитаты]

Слова запомнились с первого раза; когда я поднялась с диванчика, в голове гудело, а руки были охвачены почти видимым жаром (мне даже показалось, что они дымятся).

Все утро я "лечила" Володю, как меня научила Домна Федоровна, и к обеду он почувствовал себя гораздо лучше. Зато я полностью выбилась из сил, и, выйдя из бани, в изнеможении улеглась в гамаке под черешнями. Хозяйка позвала нас к столу, но я не могла не то что подняться — откликнуться сил не было. Ворожея подошла ко мне, снова велела закрыть глаза и снова надавила на лоб — на этот раз ладонью. Тепло ее руки вливалось мне в голову, грудь, руки, живот, ноги. Через несколько минут я почувствовала себя свежо и бодро, как после хорошего сна. Я спросила знахарку, отчего могла так устать. На это она ответила:

— Для врачевания, доня, нужны особые силы, а у тебя их нет. Давеча я тебе дала чуток, да видимо, ты их не удержала, сразу все отдала. Переживаешь за мужа слишком. А жалость больному во вред. Так что наперед знай: ежели кто захворает из близких, нюниться неча: болести жальбой только подпитываются. Вот разум здравый — наоборот, их отпугивает.

После обеда Домна Федоровна отправила нас с мужем в степь, где мы и гуляли до самого вечера. А на закате проделали суставную энергетическую гимнастику — в особом, плавном ритме. После чего знахарка дала Володе выпить какой-то крепкий настой, и он очень быстро уснул. На следующий день мой муж проснулся ни свет, ни заря, растолкал меня, резво вскочил с постели, и, как ни в чем не бывало, пошел умываться и бриться. Я только рот открыла: ну надо же, ведь всего лишь сутки назад он и шевельнуться не мог! Позавтракав, Володя вместе с мужчинами ушел на стройку, мы с Домной Федоровной остались хозяйничать дома.

Через несколько дней мы с Вовкой полностью втянулись в ритм строительной жизни. Он помогал плотникам (и это доставляло ему заметное удовольствие), я была на подхвате у хозяйки.

Сруб уже закончили, настало время "класть матку" — устанавливать матицу, или основную (несущую) поперечную балку потолка. Массивный дубовый брус аккуратно протянули через весь сруб, закрепили на стенах ровно посередине будущего дома. Сверху таким же способом приладили продольную балку; она прошла через центр матицы, и в основе потолка получился крест. Перекрестье обмотали красной шерстяной нитью. Федор обошел пространство дома трижды по часовой стрелке; все это время он читал молитву Кресту Господню:

[цитата]

Да воскреснет Бог, и да расточатся врази его, и да бежат от лица Его ненавидящие его, как исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Господа и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго, и поправшего силу диаволу, и даровавшего нам тебе, Крест свой Честный на прогнание всякого супостата. О Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай нам со Святою Госпожею Девею Богородицей и со всеми святыми во веки веков. Аминь.

[конец цитаты]

Больше в тот день работ не производили; Домна Федоровна сказала мне, что день, когда укладывают матицу — особый, он знаменует середину работ. В этот момент дом "крестится", его внутреннее пространство делится на энергетические зоны и начинает потихоньку "оживать", то есть, там появляется жило. Меня очень заинтересовали эти зоны, и после обеда (почти праздничного, так как рабочих даже угостили "абрикосовкой" — абрикосовым самогоном) я стала настойчиво расспрашивать хозяев обо всем, что касается креста в основании потолка, энергетических зон и прочего. Но к знахарке пришел пациент, и она занялась им; Федор отправился в кузню, так что на все мои вопросы пришлось отвечать Алексею Петровичу. Выслушав меня, он поулыбался, чуть подумал и сказал:

— Ну, пошли!

Я крикнула Володю и мы втроем пошагали на стройку.

Не дойдя до участка метров двадцать, Алексей Петрович, остановился, повернулся; взглядом нашел небольшой холм справа от тропинки, свернул туда, легко взбежал на вершину и уселся прямо на траву. Мы последовали за ним. Отсюда весь "план" был виден как на ладони. Дом стоял вполоборота к нам; с места, где мы сидели, просматривались две стены — фасадная, обращенная к дороге (там едва виднелись просторные окна), и боковая, почти полностью развернутая к холму. В ней зиял еще не обшитый брусом

прямоугольник входа. Прямо под ним сохли цементные *порожки**, обложенные досками для идеальной ровности.

[примечание]

**Порожки* — крыльцо.

Подсвеченная солнцем стена из дубовых бревен излучала теплое сияние, распространявшееся на весь строительный участок. Я обратила внимание на то, какой порядок царит "на плане": нигде не валяются ни инструменты, ни измазанные раствором ведра... Даже лестницу, по которой строители забираются в дом (так как порожки еще сырые), убрали во времянку. (Не потому, конечно, что боятся воров — просто должен быть порядок в доме, неважно, достроен он или нет.)

Глядя на будущий дом Федора отсюда, с вершины холма, я вдруг осознала свою прежнюю неправоту. Местоположение дома в действительности было выбрано очень удачно. Позади, над темнеющей зеленью небольшого леса, точно свечи пред алтарем, стройным рядком возвышались пирамидальные тополя, полвека назад посаженные родителями Домны Федоровны. Эта посадка служила своеобразной границей хуторских владений; на роскошном лугу перед ней, будто маячки в изумрудном море, вспыхивали оранжевые огоньки степных маков. Рядом с домом вилась дорога, утопленная в живой еще зелени высоких трав. С тыльной стороны открывался вид на фруктовый сад и хуторские строения. Даже не законченный, новый дом удивительно хорошо вписывался в окружающий пейзаж и являлся вполне органичным продолжением хутора.

Алексей Петрович пригладил усы, как бы раздумывая, с чего начать; наконец, заговорил. Речь его лилась неспешно и размеренно, словно он сказывал былинку:

— Дом для человека — Мира зеркало (этим забытым словом казак как бы подчеркивал значительность и важность того, о чем он сейчас говорил). Мира, что внутри человека и вне человека. По дому всегда можно сказать, каков человек, а по человеку — каков дом его. Коли дом справный, то и хозяину его живется душевно и счастливо. А первое правило справного дома каково? — Алексей Петрович посмотрел на нас с Володей вопросительно-важно.

И, не ожидая ответа, продолжил:

— Дом должен находиться в гармонии с тем пространством, где он расположен, — продолжал хозяин, — и внутри, и снаружи. Посмотри, Дарья, что ты снаружи видишь?

— Степь... — неуверенно произнесла я. — Траву, кустарники, тополя... Ваше хозяйство там, сбоку... дорогу... Небо...

— Верно мыслишь. Небо вверху, земля внизу, степь кругом, хозяйство рядом. По небу солнышко идет, по земле *токи** стелются, с каждой стороны свою силу несут. Солнце с Востока на Запад движется, по южному боку. Южная стена — чело дома, вишь, там целых четыре окна прорублено? Чтобы свет весь день в горнице был. Свет небесный — дому святость и от глазу нечистого защита. (Чело ведь на улицу выходит, с дороги его всякий видит — и добрый, и злой.) Токи южные тепло в дом приносят, здоровье дарят. Та стенка, что к нам лицом — западная. С запада в дом богатство течет, достаток, стабильность, потому вход лучше всего там делать. Энергия западная *бережь* называется, порядок бережет и от растраты хранит. Коли вход с запада расположен, хозяйство дюжеет да крепнет.

[примечание]

**Токи — направления энергетических полей.*

— А у нас с востока вход, — заметил Володя. — И в подъезд, и в квартиру.

— Значица, странничать всю жизнь будете, — сказал на это Алексей Петрович. — Токи восточные — кочевые, бродяжные. Тянут хозяев из дому, счастье в дороге искать.

— Вот мы и путешествуем всю жизнь. То я в разъездах, то он, — огорченно протянула я. — Не видать нам Справного дома.

— Не крушись зазря, дадуня. Вам оно может и неплохо — вы люди ученые, любознательные. Свет посмотреть да себя показать тоже дело. А буде странничать надоест, вы токи восточные на входе западными перебейте.

— Как это? — в один голос спросили мы с мужем.

— Угольков свяченных в косяк по углам засуньте. И под порог приладьте. Уголь токи стабилизирует, в себя втягивает.

— А свяченные угли это какие? — спросила я, жалея, что не взяла с собой блокнот.

— Стол кухонный, за которым едите, по углам святой водой обмой и в баночку слей, потом в той воде угольков пятнадцать штук помочи. Как высохнут, так и прилаживай, по три штучки в каждый угол дверной, и еще три — под порог. Когда все это делать будешь, молитву читай Троицыну: "Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша, Владыко, прости беззакония наша, Святыи, посети и исцели немощи наша, Имени Твоего ради. Аминь".

Алексей Петрович чуть помолчал, давая мне время запомнить порядок действий и проговорить про себя молитву. Затем резко поднялся:

— Пойдем, остальные стенки побачим.

Мы подошли к дому и встали у северной стены. Хозяин обернулся и вскинул руку, указывая в сторону хутора:

— Глядите, дети. Отселева все видать, все хозяйство — кузню, хаты, огород. Здесь Федоткин баз устроим. Работает в кузне — видать и свой дом, и родительский. Копаются на базу — *вназирку**, примечает то бишь, что у нас творится. Место хотя и спокойное, а глаз нужен, мало ли какой инородец забредет. От тут же и *холодок*** будет, по лету отдыхать.

[примечание]

**Вназирку — наблюдая, не теряя из виду.*

***Холодок — прохладное, затененное место, где ставится лавочка, устраивается беседка или гамак.*

Мы двинулись вокруг дома по ходу солнца. У восточной стены хозяин показал место, где будет гараж; почему именно там, объяснять не пришлось (мы уже знали: восток — сторона кочевая, значит, и транспорту там самое место). Обращенный к югу фасад планировалось выделить особо: по краю конька пойдет кружево, а водостоки увенчаются коронами из просечного железа, окна оденутся в яркие наличники и ставни, уголки ставней обобьются цинковой чеканкой. Крыльцо, выходящее с западной стороны к югу, украсится кованым узорчатым козырьком и такими же перилами, вверху и внизу которых Федор приладит по фонарю. Словом, чело дома будет радовать глаз и хозяевам, и гостям, и просто прохожим.

Алексей Петрович тем временем открыл времянку, достал лестницу; по ней мы забрались в дом. Внутри стоял пьянящий запах солнечного бора: дубовые бревна, прогретые погожими июньскими деньками, напитывали будущий дом своей ароматной силой. Я пожалела, что дом обмажут саманом: дивный запах скроется под слоем глины... Но Алексей Петрович сообщил, что обмазывать будут только внешнюю сторону, внутренние стены обошьют дубом; из дуба же сделают и перегородки, отделяющие комнаты друг от друга. Так что лесной дух сохранится в хате надолго.

Рябинка в кадке чуть выросла и распушилась, выкинув похожие на страусовые перья нежно-салатные лапки свежих листиков. Я легонько прикоснулась к зеленой веточке; Алексей Петрович удовлетворенно крикнул:

— Растеть. Добрый знак.

Казак выжидательно посмотрел на нас, как бы призывая к особому вниманию. В его словах чувствовалась какая-то неясная пока, но осязаемая сила.

— Побачьте, чадушки, — он поднял вверх указательный палец. — *Матка** да *батька* крест образуют. Крест в хате, значить, солнышко в хате. Запомните — в основе чего крест лежит, все то добрую силу имеет, хорошую, солнечную. Крест на себе гармонию мира держит, оттого этот знак из всех самый дюжий.

[примечание]

**Матка* — *матица*; *батька* — старинное название продольной балки, которая кладется поверх *матицы*.

— Да, солярный знак. Защита от зла у всех древних народов... — вспомнила я археологию.

— Верно, солярный, — Алексей Петрович как будто даже обрадовался, что я его перебила. — А что значит солярный, знаешь, дочуня?

— Солнечный, конечно.

— А вот и не конечно. Солнечный и солярный — слова суть не одинаковые. Соляр — солнце ярое, во всей силе сияния своего. Крест знаменует наивысшую точку солнечной энергии. Потому он заключает в себе самую мощную силу в Мире, и сам явленный — живой — Мир, его основной закон, круговращение сил и стихий природных. Крест есть начало и конец всего сущего, оттого на образе Христа Вседержителя написаны крест конца и крест начала — на левой и правой груди Спасителя нашего.

Казак сделал паузу.

— Что крестом закрестишь, положительный заряд примет. Куда крест положишь, то, хотя бы и кривое было, исправится.

Володя, все время беспокойно поглядывающий то на меня, то на Алексея Петровича, наконец, не выдержал:

— Ну, это все мифология. Вы меня простите, конечно, но положительный заряд — вполне определенная физическая характеристика, присущая элементарным частицам. Это любой школьник знает. При чем тут кресты и знамения?

Алексей Петрович хитро прищурился.

— Лады. Ну-ка, нарисуй мне свою частицу, — и тут же протянул моему мужу невесть откуда взявшийся огрызок мела.

Володя даже растерялся от неожиданности. Но тут же собрался, наклонился и с решительным видом нарисовал на бетонном полу небольшой кружок.

— Теперь покажи, что частица твоя имеет положительный заряд.

Володя не задумываясь нарисовал в кружке... крест.

— И что получилось? — Алексей Петрович почти смеялся.

Володя посмотрел на рисунок, затем на хозяина, перевел взгляд на меня и снова взглянул на рисунок. С его лицом происходила какая-то перемена: из нахмуренно-сосредоточенного оно стало светлым и одухотворенным.

— Крест в круге, — тихо произнес он.

— Крест в круге, крест-огнивец, или коловрат, — продолжил Алексей Петрович. — Солнце — крест, а круг — движение планет вокруг него. Все, сынок, в жизни связано. Мифология и физика твоя — все от одной основы идут. Вот и знамение крестное — минус на плюс меняет. Минус он ведь тоже не просто физическая характеристика, как ты говоришь. Минус — граница познания, за которую привычным путем выйти не можно.

Казак взял у Вовки мел, сел на корточки и начертил рядом с коловратом горизонтальную прямую:

— Минус есть горизонталь что мир на две половины делит, — он водил рукой над рисунком, будто шаманил. — Минус — это наше физическое тело, жизнь земная, преходящая. Самим существованием своим она смерть несет, потому что нет на земле вечной жизни. Нижняя половина, что под чертой — тварный мир, земной, смертный. Верхняя — небо, вселенная, вечность. Творение с Вечностью соединить иначе, как Духом, никак нельзя.

Алексей Петрович провел посередине прямой вертикальную черту.

— Тело-горизонталь разделяет миры, дух-вертикаль — соединяет. Потому без Духа человек неполной жизнью живет, только жизнью тела. Умирает — к червям уходит, на стройматериал для нового тела. Ежели человек в Духе стоит, он в вечности живет, даже после телесной смерти. Нету без креста человека, и жила нету. Средокрестие, середка креста — тайная точка, в которой земля и Дух соединяются. В каждом такая точка есть. В ком-то — любовь, в ком-то — наука, в ком-то — Казачий Спас. Важно точку эту для себя найти...

Хозяин встал, выдвинул из угла три больших, грубо сколоченных строительных табурета, расставил их кружком вокруг рябки, сел сам и жестом велел садиться нам.

— Образ и знамение креста Христова отцы-святители недаром назвали животворящими, то есть творящими вечную жизнь в человеке. Крестное знамение соединяет тело наше со светоносной силой небес духовных. Сила знамени хранит от нечистого, очищает душу и дарует благодать Божественную, в миру разлитую. Боишься ли, сомневаешься, тревожишься за себя или за ближнего — сотвори знамение крестное, закрести лоб, плечи, грудь и живот.

Алексей Петрович сложил пальцы для знамени, чуть наклонился ко мне и коснулся попеременно моего лба, затем живота, правого и левого плеча. Затем он перекрестил Володю и перекрестился сам.

— Дом свой строишь ли, ремонтируешь, или просто убираешь — закрести все окна, двери, углы, стенки, пол и потолок. Пищу готовишь — окрести огонь, на варево крест наложи, молитву прочитай. За стол садись — стол перекрести и сам крестом ознаменуйся. Тогда пища твоя живоносной станет, и только на пользу пойдет. Если же кто не благословясь есть садится, тот не себя — нечистого кормит. Работу какую начинаешь — перекрестись сам и дело свое крестом благослови. Тогда оно у тебя в нужное русло пойдет и препятствий не встретит.

Казак ронял слова тяжело, веско, значительно. Мы с мужем неотрывно смотрели на его лучащееся лицо, впечатленные этой крестной проповедью.

— Но высшую силу, наибольшую защиту имеет тот, кто крест вселенский в самом себе, в сердце носит. Вот и вам, дети, надлежит крест в сердце вложить...

По слову Алексея Петровича мы закрыли глаза. Медленно, плотно, глухо казак прочитал молитву Кресту Господню. В сознание словно упала глубокая тьма, куда доносились слова хозяина:

— Представьте теперь, что в сердце вашем находится маленький крест светящийся, размером с тот, что на теле носите. С каждым ударом сердца он растет, этот крест, и охватывает все тело...

Я тут же и увидела этот крест. Сначала неяркий, состоящий будто из пылинок света, что во тьме сознания образовывали тоненькие лучи. От ударов сердца эти лучи разрастались, расширялись, плотнели и охватили уже все тело. Скоро крест, исходящий из сердца, заполнил собой все пространство недостроенного дома (под светом тьма расступилась, и я видела все, точно наяву). Лучи сердечного креста разносились в стороны, захватывая все большее пространство. В световом кресте оказался участок, хутор, степь, небо... Мой крест рос, я росла вместе с ним и наконец оказалась размером с Вселенную... Сквозь крест-меня проносились планеты и звезды, они пульсировали в ритме сердца, все это было настолько мощно и всеобъемлюще, что мне показалось — еще миг, и я разорвусь на части. Я открыла глаза. Всю меня наполняла невиданная мягкая сила, но сила эта была не физическая... Впрочем, однозначно определить свое состояние как высший духовный подъем, я тоже не могла. Это было нечто среднее между полнотою физических сил и духовным совершенством, некая золотая середина. И вдруг я поняла — владеющая мной сила есть не что иное, как сила любви... Мне стали ясны все мистические символы христианства, и то, что Бог есть любовь. Но ясны не умом, а чем-то другим, о чем не моглось думать и что не хотелось облекать в слова. Все, что у меня получилось — счастливо засмеяться. Володя открыл глаза, посмотрел на меня и тоже засмеялся. Смехом залился и хозяин... Так, смеясь, мы вышли из дома и двинулись в направлении хутора. Перед тем как войти в густую листву хозяйского сада я оглянулась назад. Небо полыхало закатом. Солнце последним лучом, точно благословляя, осветило угол заряженного вселенским плюсом недостроенного дома и скрылось за горизонт.

[дневник]

Дашин дневник, 2 июля.

Середина строительных работ — положили матицу, "окрестили" дом. Алексей Петрович рассказал, что крест, находящийся в основе жизненного пространства, меняет полюс энергии на положительный. Чтобы оградить дом от неблагоприятных воздействий, надо с молитвой Кресту Господню закрестить двери, окна, стены, углы, пол и потолок. Если в доме неблагополучно, и в жизни много негатива, надо поменять отрицательный заряд жизни на положительный. Для этого можно применять медитацию "Крест в сердце":

Сесть прямо, ноги не скрещивать, руки положить на колени. Сотворить крестное знамение. Закрыть глаза и мысленно прочитать молитву Кресту Господню. Погрузиться сознанием в свое сердце, представить в нем маленький светящийся крестик. С каждым ударом сердца представлять, как крест разрастается, заполняя собой сначала тело, затем пространство комнаты, как лучи этого креста выходят за пределы дома, заполняют улицу, город, землю и небо, весь необъятный Космос. Постараться каждой клеточкой тела, каждым уголком сознания охватить в подробностях представляемое пространство. Визуализацию продолжать пока хватает сил. Затем открыть глаза.

Рекомендуется выполнять эту медитацию в сложные моменты жизни и перед принятием важных решений.

[конец дневника]

[1]Глава 3

[1]**Места силы**

Строители мне объяснили: когда уложат матицу, работа идет "не в гору, а с горы", то есть быстро и споро, таким образом, уже через две недели дом почти полностью будет готов (разумеется, за исключением внутренней и внешней отделки). И действительно: прошло всего два дня, а внутри сруба уже кое-где поставили стенки и сконструировали каркасы для межкомнатных перекрытий, оставив в центре место под камин, класть который начнут с завтрашнего дня.

Сегодня с самого утра ждали заезжего мастера-печника (между прочим, рабочие шепнули мне, что печник этот — галдовник, вещун и еретик, обижать его не следует, а то...) Когда во время очередного перекура я спросила их, что же будет, если обидеть мастера, рабочие переглянулись и вполголоса поведали мне несколько загадочных историй, связанных с этим печником. Так, одна тетка в станице плохо кормила мастера, пока он работал, и после этого вся еда, приготовленная на сделанной им печке, выходила "порченной". А другой хозяин недоплатил печнику; в отместку тот устроил, что печь не прогревала дом, и за одну зиму жадный мужик сжег трехлетний запас дров. Еще мастер-галдовник может положить в печку "покойничка" и тогда печь станет выть по ночам "загробным голосом"... Подобных случаев строители знали массу, и все они будто бы происходили с их знакомыми или знакомыми знакомых. Серьезность, с которой взрослые, крепкие духом и телом мужчины рассказывали мне эти мистические байки (больше напоминавшие детсадовские страшилки про синюю тумбочку), меня весьма забавляла. Я бы послушала еще (мне нравились эти невероятные истории и колоритная речь рассказчиков), но Володя своим критическим взглядом на вещи все испортил:

— Ну и зачем звать такого мастера, от которого один вред? — спросил он со свойственной ему прямоотой.

Строители обиделись, быстренько закончили перекур и пошли работать. Как бы там ни было, а что печник этот — человек особенный, было понятно и без баек про колдовство. Весь день накануне Домна Федоровна мыла и прибирала дом (комнату гостю приготовили там же, где живут хозяева — невиданная честь для наемного работника!). Стол хозяйка накрыла нарядной скатертью с красным узором по краю, сменила дорожки на полу, занавески на окнах и салфеточки на этажерках. Сегодня же встала до света и все утро готовила угощение, не подпуская меня к этому занятию даже на "черные" работы; сама чистила картошку и резала лук. Мне она доверила только протереть до блеска тарелки и стаканы; в этот-то момент я и задала ей вопрос относительно таинственного мастера. Но знахарка была настроена не слишком словоохотливо, лишь ответила, что печник этот — лучший на Донщине, к тому же род его давно дружен с родом Калитвиных: дед Домны Федоровны и прадед мастера были односумами (то есть, служили в одном полку). Я сделала вывод, что мастер наверняка кое-что знает и про Казачий Спас...

Посуда, тщательно протертая куском холщовой тканины, радостно блестела, разбрасывая солнечные зайчики по стенам летней кухни; хозяйка начиняла рыбой, жареной капустой и картошкой, яйцами и рисом маленькие закусочные пирожки (опять-таки, без моей помощи); делать мне тут было явно нечего, и я пошла на план. Здесь, прямо на улице, строители пилили и ровняли брус для кровельных перекрытий, с ними и мой Вовка. По деревянной лестнице (порожки еще сохли) я забралась в пустой дом, чтобы посмотреть, как сделали каркас для перегородок. Одна комната с окном на южной стороне была уже полностью готова, вход в нее расположили со стороны центра дома, а не из прихожей (которую от жилого пространства также отделяла готовая стена). Несмотря на то, что внутренние стены еще только предстояло поставить, контуры помещений уже почти оформились.

Я прошла в центр дома. Рябинка все так же стояла на месте печи.

— Ну что, милая, сегодня твой последний день в этом доме? — спросила я ее. — Завтра пойдешь расти на волю?

— Ни, доня, еще не последний. Покамест крышу не покроем, деревце из хаты выносить не будем.

От неожиданности я вздрогнула и оглянулась. Ухмыляясь в пышные усы, у входа стоял Алексей Петрович. (И как им всем удастся подходить так незаметно?)

— Я не таюсь, — прочитал мои мысли хозяин. — Это в тебе, Дашутка, внимания маловато. Забыла про ритм пространства?

— Забыла... — улыбнулась я виновато. — Смотрю тут, представляю как все будет хорошо, просторно...

— Да, будет ладно. По уму Федька строится, все соблюдает, молодца.

— А где что будет, Алексей Петрович?

Казак прошел в дом.

— От тутачки зала, прямо, где мы стоим. Там — *светлая*, или детская, где окошко сбоку. А там — горенка, спальня.

— А это что за комната, которая готова уже?

— Кухня.

— Такая большая? — удивилась я.

— Ну, это не все будет кухня, тут еще кладовка поместится — вишь, перекладинка наверху? Под ней стенка пройдет раздвижная. Федор планировку сам делал, все предусмотрел, чтобы и простор был, и удобство.

Алексей Петрович любовно провел по ровной поверхности стены. Было заметно, что хозяин очень гордится и стройкой, и сыном. Видя, что он расположен к беседе, я аккуратно спросила его про печного мастера, к приезду которого его жена готовилась так серьезно.

— Андрей — мастер знатный. Печи кладет, ровно бог. Они у него греют ровненько, много дров не едят, хату прогревают быстро, тепло держат долго. В самую лютую зиму достаточно топить в день по разу. А ежели мягкая зима, без морозов, то и вовсе через день — через два.

Видимо, любопытство было написано у меня на лице — иначе как объяснить, что Алексей Петрович сам ответил на интересующий меня вопрос:

— А что про него люди брешут, не слухай. Это все потому, что он человек *знающий*.

Последнее слово хозяин произнес как-то по особенному — медленно и с ударением в каждом слоге.

— *Знающий — что? — уточнила я.*

— *Ремесло свое. А ремесло его — не лишь глину замешивать да кирпичики складывать. Печь, она ведь живая... Ее абы как да абы где не поставишь. Ей место силы нужно.*

— *Место силы?! Что это?*

— *Это такое место, через которое токи в дом текут, где пересекаются или скапливаются. В каждом доме сильных мест несколько. Там, где печка стоит, одно из самых дюжих. Видела ведь в хатах у нас — повсюду почти — печь в самой середке стоит? Потому что в середке все токи сходятся. Вот там, в точке их схождения, делать очаг и надо. Только точку эту не каждый мастер отыскать сможет... Тут особое знание треба.*

Я начала в уме прикидывать, где у нас в квартире «середка». Алексей Петрович тут же считал ход моих мыслей:

— Городская квартира — совсем иное дело. Дома у вас ставят не по сторонам света, планировку делают *байдюже как**.

[примечание]

**Байдюже как — неграмотно, неизвестно как.*

— И как же мне в своей квартире центр найти?

— Это, доня, зависит от того, как комнаты расположены, окна и углы. От тут видишь как: ежели из всех углов да окон крест-накрест провести линии, они точнехонько в одной точке сойдутся. Потому дом по кресту спланирован, я тебе давеча про то рассказывал. А у тебя в городе центр может быть один, а может и несколько. Сама прикинь, где получатся они. Для того возьми план квартирный, на кальку переведи, из угла в угол по линии начерти. Где линии пересекутся, там будет одна середка. Потом высчитай, с каких боков в дому у тебя стороны света. Ежели правильно дом поставлен, то восток, запад, юг и север на стенку придутся, а смешанные направления — на углы. Стороны на плане отметь, и где они сойдутся, точку поставь — и тут середка будет. Ладно, коли угловая середка и эта в одном месте получатся. Окон у тебя в доме сколько?

— Два.

— По одной стене, по двум расположены?

— По одной.

— Нехорошо. Ну да ладно. От окон тоже по линии проведи — где эти линии в стенку упрутся, там *полусередки* будут (тоже места силы, только чуть послабже). Лучше — сделай несколько планов и линии все эти с середками друг на друга наложи. Точки срединные друг с другом соедини черточками, получится квадрат или треугольник, чи еще какая фигура. Внутри той фигуры — пространство силы. Место это — дюже сильное, его надо обустраивать и креплять по-особому.

— Как это креплять?

— Креплять значит, усиливать. Ну, мы-то здесь в середке печку поставим, а вам в городе печку ставить негде. Самое простое — светильник повесить, люстру, али канделью какую. Середка всегда на виду должна быть, всегда освещенная. И мебелью ее не след загромождать — шкафами, тумбочками или еще чем. Мебель токи жрет, глушит. Непременно каждую середку и полусередку закрестить надобедь. Лучше —

крестик подвесить, а стесняешься — просто нарисовать мелком на потолке. А коли и мелком заметно, водой наговоренной крестик отметить. Оно и постороннему не видать, и для дома ладно.

— А воду наговоренную где я возьму?

— Домну попроси, даст. А хочешь — так сама сделаешь, для того есть обряд особый. Хозяйка моя научит.

— Алексей Петрович, а для чего эти середки в доме? Как их использовать?

— Знахари в тех местах снадобья готовят, воду наговаривают. Ты, хоть и не знахарка, а все одно знай: ежели устанешь или захвораешь — посиди на середке, отдохни, расслабься. Сила середки быстро тебя восстановит. Тоже и воду на середку ставить можно, она положительной силой нальется. Только беспереводно в середке находиться не след: от лишней силы надорваться проще простого.

— А еще какие места силы в доме есть?

— Окна, двери, пороги, углы. Дюже сильное место — Богов угол, Стодарник по-нашему.

— Ну да, знаю, это угол, где иконы висят... А вот скажите, в любом углу Стодарник устроить можно?

— Ну, ежели совсем немоготу все по правилам делать, можно и в любом.

— А каковы правила?

— Стодарник — это угол, который наискосок от входа, на правой руке. Входишь — и сразу на Бога крестишься. Сторона его — полдень, то есть юго-восток. Убор — древо...

Алексей Петрович, не договорив, спохватился:

— Вот что, тебе ежели про Стодарник узнать надобно, ты у Андрея выведай. Он дюже многа про это знает. А речи ведет — заслухаешься!

— Будет ему время когда со мной разговаривать... — разочарованно протянула я.

— А это как попросишь, — заговорщицки произнес хозяйин.

— Ну вы мне тогда про другие места силы расскажите! — умоляющим тоном попросила я.

— Про другие можно, — примиряющее ответил Алексей Петрович. — Первые сильные места в хате — через которые в дом токи проходят. Окошки и двери. Окна — очи дома. С юга их больше всего (ясно зачем — свет в дому). Южный бок — солнышко, убор его — огонь.

— Что значит «убор»? — перебила я.

— Ну это, как тебе сказать. Убор, значица, вещество, стороне этой присущее.

— А, это как стихии в китайском фэн-шуй?

— Вроде того. Но ты про уборы тоже Андрея поспрошай, он по этим делам мастер.

— Что же это за мастер Андрей такой таинственный? — вырвалось у меня. — Его и ждут по-особому, и знает он про все на свете...

— Увидишь — поймешь, — сверкнул глазами из-под густых бровей хозяйин.

Внезапно он заторопился, как будто вспомнил, что его ждет что-то важное.

— Все, доня, я на пасеку. Недосуг мне туточки сидеть с разговорами.

— Ну Алексей Петрович! Вы же обещали! — заканючила я. — А можно я с вами на пасеку? Только сбегая за тетрадкой...

Казак посмеялся в седые усы:

— Ну, коль тебя так разобрало любознательством... Что ж, пожалуй, и приходи!

Вооружившись письменными принадлежностями, я отправилась в медовую вотчину хозяина. Застала я его за приготовлением чая.

— Пойду ульи проверю, а ты пока медку поешь, чтоб голова соображала, — хозяин надел шляпу с защитной сеткой и исчез среди деревянных ящиков на высоких ножках.

Я уселась за стол. Налив себе чаю из большого старинного расписного чайника в форме круга с дыркой посередине, я принялась уписывать за обе щеки порезанные на квадратики медовые соты. Чаевничать в одиночестве не пришлось: веселую жужжащую компанию составили мне пчелы, летающие вокруг в великом множестве. После бокала густого темного чая из чабреца, шалфея, зверобоя и еще каких-то неведомых мне трав, голова прояснилась. Вернулся, наконец, и хозяин с десятком пустых рам в руках; усевшись на скамеечке рядом, он принялся обколачивать их небольшим молоточком, проверяя на прочность.

— Ну дык, Дарья, окошки, — обстоятельно начал он. — В хате окошки — дюжа важная штука. Знаешь ведь: есть дом, а есть — домовина, гроб то ись. Дом для живого, домовина — для мертвого. А чем они друг от друга отличаются?

— Он бросил в меня быстрый, с искринкой, взгляд.

— Вот уж не знаю... Отличий столько, что в одну фразу не поместить...

— Ишшо как поместить! — пробасил пасечник. — Без окон, без дверей — вот тебе и домовина! Так что окошки только дом домом и делают. Из окошек в дом токи текут свободно, ну, и вытекают тож. А токи не только положительные, справные могут быть, но и худые, черные. Потому не всякие токи в окошки пускать можно.

— А как же отличить положительные токи от черных?

— Да очень просто, дадуня. В окна только дневной свет проникать должен, с ним всегда сила добрая приходит. А ночью токи темные, потому окошки ставнями закрывать треба, или занавешивать плотно.

Казак покрутил в руках раму, дунул в углы, крикнул:

— Добре! — и продолжил. — Окошко — не лишь для света вход. То место непростое, граница пространств. Внутри — дом, твое, снаружи — задомье, чужое. А по квадрату окна силы особые ходят, они токи наружные в дыхание дома преобразуют, в жило. Оттого энергия окна для людей губительной может быть и дюже много в окно пялиться — перемены кликать. У нас вон девки в старину, когда замуж хотели, долго-долго у окошек сиживали. Ну, девкам — можно, а который человек уже с семьей, устоялся, перед тем как в окно глядеться — пораскинь, надо оно тебе — перемены-то? Какие ишшо придуть...

Алексей Петрович помолчал, вглядываясь куда-то в невидимую мне даль...

— Ну вот я и гуторю: что в окно входит — всегда к переменам. Не к хорошим переменам, к худым. Птица влетит — к болезни, а то и вообще, к покойнику. Постучит среди ночи по раме — жди беды. Вот когда война была, часто-часто воробьи да галки в хаты через окна летали... Но беда — что птица: и ее отогнать можно. Когда лихо кругом было, знающие люди над окнами пугалки вешали, вроде огородных. Птица пугалась и в дом не летела...

Я подавила улыбку: мне такой способ «отпугивания» смерти показался до боли детским...

— Зря лыбишься, доня. Это по твоим городским мозгам такое дуростью кажется.

— Нет, ну что вы... — смущенно залепетала я. — Просто как-то по-детски это, пугалки вешать.

— Ну добре. А что ж ты не смеялась, когда я тебе про силу Креста-символа гуторил?

— Ну, крест. Крест — это мистический знак, несущий положительную энергию, отгоняющий злые силы...

— Так вот и тут тоже ж самое! Крестом ты силы невидимые прочь гонишь, а пугалкой — явленные! Птица, дурную весть несущая, увидит чучело и отпрянет, беду унесет. А чтобы горе в дом с токами не просочилось, ты окошки с молитвою закрещивай.

Казак отложил рамы, извлек из кожаного мешочка люльку и табак, раскурил.

— Окошко — что почтовый ящик, только для важных вестей. Но вести эти не лишь получать можно, а еще и отправлять.

— Это как? — не поняла я. — Ловить птиц, а потом через окно выпускать их? Зачем?

— Ни, доня, птах ловить не треба. В окошко можешь добрый сон рассказать, чтобы сбылся. А худой чтоб стороной прошел — не рассказывай, а лишь поутру к окну подойди, форточку раскрой и в нее скажи три раза: «Святой Самсон, унеси мой сон, куда ночь, туда и он». А молитвы, сквозь окно на заре сотворенные, прямо Богу в уши идут. Но тут заруби: всякой ерундистикой уши Боговы не забивай. Только важное, только святое...

Он глубоко затянулся и пыхнул сладким дымом.

— И еще, доня — в окошко мусор бросать не след. Потому под окном ангел-хранитель дома твоего ночует. Не каждый раз, а когда поссоришься с кем, либо выругаешься на ночь. Оно, конечно, лучше чтоб вы не ругались, не цапались меж собой. Но так-то не выйдет! Свято жизнь не проживешь, все бывает в сердцах да с устатку. А потому место ангелово хранить надо чистым, и ни окурки, ни бумажки, ни какие другие помои в окно не кидать. И плевать не гоже.

— Середки — сила одна, окошки — другая, а третья сила, — сказал казак, сделав паузу, — порог да двери. Дверь — дома хранитель и от лихого человека, и от черного слова, и от токов худых. Потому дверь всегда закрыта должна быть. Распахнутой держать можешь, лишь когда в дому прибираешься. Для защиты от глаза дурного и завистного над дверью подкову вешают — но только ту, что под лошадью была. В косяки дверные можно ножики понатыкать, лезвием к выходу. Особливо это до тех касается, у кого в дому гостей бывает много. Гости — люди опасные, в дом всякую нечисть несут. Вот чтобы нечисть за порогом оставалась, ножи и требуются. Под дверью — порог, это тоже граница пространств. Тут она посерьезней, чем даже окошки, бо через порог ногами вносишь и грязь, и токи посторонние. И чужие через порог ходят. Так что перед порогом половичок держать всенепременно надобедь. Грязь вытирать и токи перебивать (а для этого под половик соли наговоренной насыпь, чи угольков, и крест на обратной стороне начерти). Входишь в дом — молитву краткую сотвори: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». На пороге задерживаться не след, здороваться через порог или подавать что — тоже. Уезжаешь из дому надолго — присядь у порога, подумай, помолись. Так ты с домом прощаешься и духу домашнему хранить его наказываешь.

На плечо пасечника опустилась мохнатая, в цветочной пыльце, пчела, словно тоже хотела послушать про пороги да двери.

— Особливо следи, доня, — наставническим тоном продолжал казак, — чтобы двери у тебя в дому не располагались по прямой линии, одна перед другой. Хучь на вершок, а сдвинуты быть должны! Потому энергия в дом идти должна не напрямки, сквозняком, а словно речка — с круженьем, с перегибами. Энергия в дому тогда хороша, когда вилюча. Сила ее омывает все углы и закоулочки, хату собой насыщает равномерно... А чтобы в течение ее силы дурной не примешивалось, ты все-все пороги в доме своем закрести, а в углы косяка молитву вложи, на малой бумажке написанную.

— Какую молитву, Алексей Петрович?

— Да много их... ну, хоть эту:

[цитата]

Господи Боже Владыко Вседержителю, благослови, молим ти ся, чертог сей и вся рабы твоя, живущие в нем, яко да охраняемы тобою пребудут в мире любви и согласии, благослови их, яко да исполняющее волю Святую, обитают здесь до старости своя и узрят сынов своих, благослови их радостями, веселием и изобилием, яко да утешают неимущих, благослови их долголетием, яко да угождающее тебе Владыко Создателю и Спасителю, по милости твоей внидут живущие в сем чертоге и во Царствие Твое Небесное, уготованное всем творящим повеления твоя. Услыши нас, Всемилостиве и благослови Чертог сей и живущих в нем, яко да хвалят Бога нашего, Отца, Сына и Святого Духа, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

[конец цитаты]

Молитвой этой все — и окошки, и двери, и дымоход — закрестить можешь. Для того просто прочти ее и рукой окрести то место. Потому — входы-выходы не благословенные — для нечистого в дом прямая дорожка.

Алексей Петрович отложил рамки, взглянул на солнце.

— Однако, полдень уже... Ну, хватит гуторить, после как-нибудь я тебе доскажу.

Он поднялся.

— Бежи на хутор, зараз Андрей прибудет, к обеду обещал.

Я закрыла тетрадь и в задумчивости побрела на хутор. У края пасеки казак догнал меня:

— Дашунь! Андрею-мастеру, как учить тебя станет, скажешь, пусть про места влияния поведает тебе. Передашь — я велел.

— Места влияния? Что это?

— Все, все к Андрею. Он — знает. А кто знает, тот только Знание передать и может.

[дневник]

Как рассчитать «середку»

Взять три листа кальки, нарисовать на каждом точный план квартиры. На одном листе из дальних углов провести по прямой, так, чтобы прямые упирались в противоположный угол. На другом листе отметить на плане стороны света, и из этих точек так же провести пересекающиеся прямые. На третьем рисунке отметить окна и через них провести перпендикулярные линии. Наложить все три плана друг на друга и отметить точками места пересечения всех линий. Эти точки соединить, проведя линии красным карандашом. Место, находящееся в пределах красной фигуры, и есть энергетический центр квартиры, или «середка». Это место нельзя загромождать мебелью, оно должно оставаться открытым и хорошо освещенным. Вверху можно повесить люстру или светильник. Чтобы накапливающаяся здесь энергия имела положительный заряд, пол в этом месте надо вымыть наговоренной водой, а на потолке той же водой начертить крест.

Для приготовления наговоренной воды лучше использовать колодезную или талую воду. Внимание! На святую воду не наговаривают!

В кастрюлю с водой кладут чистые вилки и ножи, прополаскивают их и приговаривают следующие слова:

Молюся и прошу святого Собора пророческого: Захария, Осию, Иоанна, Михея, Малахию, Иеремию, Исайю, Даниила, Амоса, Самуила, Илию, Наума. Молю и прошу четырех Евангелистов Матвея, Марка, Луку, Иоанна Богослова, святых Апостолов Петра и Павла, Бог Отец Иоакима и Анны, Иосифа обручника, Пресвятой Богородицы, Исаакова брата Господня, Христа ради юродивого Иоанна Милостивого, Игнатия Богоносца, священномученика Анания и Романа певца Кондаков, Марка Гробоконателя, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, иже во святых отец наших святого Николая Мирикийского чудотворца. Святых митрополитов Петра, Алексея, Иону, Филиппа, Ермогена и Кирилла Московских чудотворцев; Сергия Радонежского, Тихомия Великого и Даниила Столпникова, Максима грека, монаха Мелетия Афонской горы, Никона, патриарха Антохмийского чудотворца, святого Мученика Киприана и матери его Улиты, Алексея человека Божия и святых Преподобных жсен Марию, Магдалину, Евдокию, Ефросинью, святых великомучениц Варвару, Екатерину, Февронию, Марину — иже проливших кровь свою за тебя, Христа Бога нашего. Молитвами всех святых помилуй и спаси Рабов твоих (имярек). Да не прикаснется к ним ни в дому его, ни в вечерний час, ни в утренний. Сохрани их, Господи, от воздушных, татарных, водяных, лесовых, дворовых бесов. Иже написано бысть молитва сия святая на погубление всякому злему делу и злых бесов и сетей ловящих. Словом Господним утвердилось небо и земля молитвами Всепречистыя Твоея Матери и всех святых Твоих небесных бесплотных сил: Архангелов Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Салафила, Варахила и Ангела хранителя и всех святых Твоих от века угодивших Тебе иже Ты, Вседержителю Господи, ограждением и силою Животворящего Креста Господня да будет посрамлено лукавство всей небесной силою во славу Господа нашего Иисуса Христа: всегда, ныне, присно, и во веки веков. Аминь.

[конец дневника]

[1]Глава 4

[1]Древняя магия очага

В первый раз за все время нашего пребывания на хуторе обеденный стол накрыли не на плану, а в саду под абрикосами. Вернувшись с пасеки, я увидела, что хозяйка одна не справляется и, не спросясь, стала помогать ей расставлять тарелки. Домна Федоровна не возражала, но к кушаньям меня не допускала все равно, и опять я уверилась в своем предположении, что печник Андрей человек совершенно особенный, уважаемый и могущественный (может даже духовный наставник одного из хозяев?). В моем воображении тут же возник образ убеленного сединами старца с печатью глубокой мудрости на иконописном лице...

— Эгей, хозяйева, здорово ночевали? — раздался за калиткой звонкий баритон.

— Андрюша! Сынок! — Домна Федоровна почти бросила на стол блюдо с пирожками, всплеснула руками и побежала со всех ног встречать гостя.

Я удивилась дважды: небывалой суетливости (и даже небрежности!) хозяйки и тому, что она назвала преклонных лет мастера "сынком" (а в том, что это старик, я не сомневалась ни секунды). Я аккуратно поставила пироги в центр стола, накрыла их, чтоб не заветрились, полотенцем, и вышла встречать гостя, мигом образовавшего возле себя шумную приветную суету. Издали глянув на мастера, я от неожиданности пошатнулась, уцепилась за металлический столб, поддерживающий решетку виноградника, да так и осталась стоять в стороне от входа. Вдруг стало нечем дышать, тело била мелкая дрожь: несмотря на жару, мне было очень холодно, как будто меня окунули в ледяную прорубь... или нет — скорее, подняли

в верхние слои атмосферы, где сквозь тающие покровы неба близко-близко сияют едва видимые с земли крупные голубые звезды. Печник заметил меня, подошел сам и, смеясь, поздоровался:

— Привет, красавица! Чего дрожишь? Озябла? Или забоялась чего?

Я вдруг осознала, какой должно быть у меня дурацкий вид сейчас. От этой мысли меня как будто отпустило. Улыбнувшись через силу, я выдавила:

— Скорей, последнее. Здравствуйте.

— Дядь Леша, тетя Домна! И не стыдно вам? Ну я еще понимаю, когда мной детишек пугают! Но взрослую девушку...

Все рассмеялись, и я с ними (что далось нелегко). Тут хозяйка заторопила нас к обеду; с трудом отцепив от столба руки, я на деревянных ногах пошла к столу, оцепенение не проходило. Вкуса еды я не чувствовала (а судя по тому, как старательно и с какой выдумкой готовила их хозяйка, да и по скорости, с которой кушанья исчезали со стола, можно было понять — вкус у них отменный...).

Впрочем, надо объяснить, с чем же было связано мое состояние. Печник, славный своим мастерством по всей Донщине, оказался отнюдь не белобородым старцем, а веселым молодым худошавым парнем. В этом обстоятельстве, конечно, не было ничего особенного, в конце концов, мастерство, если ему обучаться с детства, может прийти и в юности...

И все-таки было в мастере нечто, от чего перехватывало дух и останавливалось сердце. Воображая себе старца с иконы, я представить не могла, до какой степени близка к истине, опуская, конечно, то, что "старец" оказался молодым. Лик (иначе и нельзя назвать лицо молодого мастера) светился не просто духовным светом (присущим, кстати сказать, всем казакам-характерникам), он лучился божественным огнем, столь сильным, что мне казалось — я вижу нимб над черной головой мастера. Впрочем, я его и видела: ясное сияние, озарявшее густые кудри, четко вырисовывалось на фоне абрикосовых стволов, выбеленных известью под самые ветви. Тонкие черты его лица несли в себе совершенную пропорцию — ни малейшей асимметрии, никакого изъяна. Высокое чело, прямой нос, необыкновенной красоты изгиб губ, прозрачная кожа цвета слоновой кости, чуть подкрашенная рассветным румянцем. Но более всего меня поразили глаза, нет, не глаза, а очи — огромные, черные как угли и такие же жаркие. Жар этот горел тайным светом где-то в глубине и буквально выплескивался пучками энергии при каждой вспышке смеха, исходившей от необыкновенного мастера. А смеялся он часто и заразительно. Казалось, любая мелочь смешит его: и разговоры Алексея Петровича о делах на пасеке, и рассказ Федора о невесте. Но больше всего (как думалось мне) его смешило мое поведение. Он единственный (так как все остальные взоры были прикованы к нему) заметил, что я почти ничего не ем:

— Эй, Дашка! За дружеским столом не зевай! — весело крикнул он, подхватил пирожок и кинул через весь стол мне.

Я едва успела поймать румяный комочек, совершенно обалдев от этой выходки. Однако его ребячество (ужасно непотребное в семье, где застолье — вещь чинная, упорядоченная, правильная) не только сошло ему с рук, наоборот — вызвало общее веселье, как будто за столом обедала не солидная казачья семья, а орава малолетних сорванцов, только и ждущих момента, когда кто-то первый начнет кидаться пирожками и хлебными шариками. Я недоуменно хлопала глазами, наконец, общий смех захватил и меня; я сама начала хохотать как сумасшедшая, понимая хозяев: действительно, как можно сердиться на этого человека, фонтанирующего веселой энергией — мощной, как тысяча солнц и чистой, как око ребенка? Я смеялась от души, но где-то, в глубине сердца остался легкий холодок тревоги: так не шел этот земной смех к его небесному образу.

Обед закончился, мастер Андрей и Федор пошли на план, Володя увязался с ними (кстати, с чудопечником мой муж сдружился моментально), а я осталась — хотя и звали с собой — помогать Домне Федоровне убирать посуду. Во-первых, я пожалела хозяйку: с рассвета она крутилась на кухне без помощи и передыха, а во-вторых, мне было жизненно необходимо придти в себя и разобраться в своих чувствах. Сделать это мне так и не удалось; напротив, глядя на окрыленную и помолодевшую знахарку, на Алексея Петровича, двигавшегося вдвое бодрей против обычного, на Федора, сразу превратившегося в вихрастого подростка, да даже на своего мужа, вдруг скинувшего надоевшую маску кандидата наук, я окончательно запуталась. Я понимала, что все эти чудесные перемены с людьми произошли благодаря мастеру Андрею, и признавала, что ТАКОГО человека и в самом деле стоило ждать по особому; непонятны мне было только байки о каком-то колдовстве и даже вредительстве... В раздумьях я провела весь день до вечера. За ужином Андрей шутил и дурачился, я же, глядя на него, смеялась вместе со всеми, и до боли грустила душой где-то глубоко внутри.

Ночью меня захватил вихрь мыслей и фантазий. Но — нет, ничего такого, что может испытывать женщина к понравившемуся ей мужчине, не происходило со мной. Чувства мои были далеки от каких бы то ни было любовных переживаний, хотя мастер Андрей с первого же взгляда влюбил в себя всех обитателей хутора, и меня в том числе. Но влюбленность эта была сродни тому, как влюбляются дети в героев книжек, мультиков и фильмов, в мелодичные добрые песни о крылатых качелях или резиновом ежике. И причина грусти на донышке души крылась не в том, что мастер Андрей — мне, женщине замужней и старше его, — был недоступен как мужчина (его образ просто не вязался с подобной пошлостью). Его смех, его раскованность, его явная приземленность — шли вразрез с его возвышенным обликом, ликом ангела... да — именно ангела, или даже Архангела, ибо ангелы одинаковы и безлики, но каждый из Архангелов в канонах иконописи имеет свой индивидуальный, четко выраженный образ. Лишь пришла мне на ум эта мысль, как воображение нарисовало мастера Андрея в архангельском чине, в красной ризе, с золотыми — из света — крылами за спиной, с грозным мечом в руке... Он взглянул на меня глазами, полными скрытых молний, но пресветлые архангельские губы раздвинулись в детской улыбке, меч рассыпался, ризы упали, и остался только вселенский смех, животворный, сметающий все сомнения и тревоги, всемогущий солнечный смех, растворяющий в себе черный страх смерти и потерь, словно порошок дешевого кофе в крутом кипятке...

— Дашка, вставай, хорош дрыхнуть! Нет, вы на нее посмотрите — всю ночь мне спать не давала, а сама просыпаться и не думает! Вот я тебе...

Я повернулась на живот и зарылась в подушку, и в тот же миг покрывало сползло на пол, а спину и ноги покрыла холодная неприятная морось. Я вскочила с постели, не понимая решительным образом ничего.

— Ты с ума сошел? — спросила я своего мужа, стоящего передо мной с ковшиком воды в руках и широченной улыбкой на лице.

— Сама такая. — Вовка чмокнул меня в щечку и показал на часы. — Полдвенадцатого! Я со стройки уже, уходил, будил тебя — не встала, ладно, думаю, пусть поспит еще полчаса. За обедом пришел — а ты все валяешься! Главное, ночью мне выспаться не дала, хохотала во сне как придурочная, я уже испугался, может, рассудком двинулась с этими крестами да медитациями?

— Я? Хохотала?

— Ну а кто, я? Только под утро успокоилась... Как раз когда мне на работу вставать!

— Мог бы и не вставать, — пробурчала я, натягивая халат. — Ты в отпуске вообще-то.

— А что, если отпуск, так до обеда дрыхнуть надо? Да и какое дрыхнуть, тут такие ребята... Слушай, а Андрей этот — парень мировецкий! Зря ты вчера с нами не пошла, он столько всего рассказывал! Тебе бы вот как раз и послушать, раз ты Казачьему Спасу обучаешься.

Андрей. Я вспомнила лицо мастера, и грусть опять забралась мне в сердце.

Энергично отхлопав заспанное лицо колодезной водой (неизменно холодной даже в самую сильную жару) и тщательно уложив волосы, я минут десять копалась в шкафу, прикидывая, что бы такое надеть... Выбор остановился на синем, в цвет глаз, платье — оно, хоть и было длинновато, но относилось к тем универсальным вещам, в которых "и в огород, и в хоровод". Глянула в зеркало, отметила, что выгляжу на все сто, но вместе с тем никто бы не мог сказать, что нарядилась я специально.

И все же мои старания не остались незамеченными. Мастер Андрей, поглядев на меня долгим горячим взором, бархатно произнес:

— Из каких небес, птица синяя?

Обед прошел шумно и весело. После долгого сна аппетит у меня разыгрался не на шутку, я ела много, быстро и с удовольствием.

Андрей смеялся:

— Чем ночью занималась, Дашка? Кирпичи таскала? Я и то думаю — кто все кирпичи перетягал?

— Она мне спать не давала. Ладно бы, храпела, а то — хохотала ночь напролет, — отвечал за меня Володя. — Во сне смеялась, представляешь!

— Во сне смеются либо дети, либо святые, — необычайно серьезно промолвил мастер.

— А вы... ты... вы во сне не смеетесь? — спросила я.

— А я почему знаю? — улыбнулся он. — Спросить пока некого!

Я смутилась и почувствовала, как лицо наливается краской (до меня вдруг дошла вся двусмысленность моего вопроса). Но этого, к счастью, никто не заметил.

— Ну, таперича можно с голодными равняться — пообедавши! — мастер Андрей легко поднялся и направился в дом.

Мы с Володей взяли по корзинке с посудой и пошли на хутор. Вслед мне полетел веселый окрик мастера:

— Дарья! Посуду занесешь — зараз возвращайся! Мне в помощь будешь! Да платье переодень — шибко длинное!

...И опять я стояла перед шкафом в раздумье, ловя себя на мысли, что давно так придирчиво не подбирала наряд. За этим занятием меня и застала Домна Федоровна, зашедшая в дом за каким-то снадобьем.

— Ты чего стоишь столбом? — спросила она.

— Думаю, что надеть. Андрей сказал, платье это длинное очень.

— А что не жалко, то и надевай.

Я посмотрела на знахарку вопросительно непонимающе.

— Ну он тебя позвал глину месить, так? Вот и надевай, что замазать не боишься.

— Пришлось достать из рюкзака "раскопочные" шорты и майку...

Мастер Андрей, ждавший меня на порошках, мой новый вид одобрил:

— Во! Другое дело! Ну, пошли, подмастерье!

Мы вошли в дом. Кадку с рябинкой я не увидела, в центре уже было выложено основание печи в форме прямоугольника с двумя полукругами на месте задних углов. Рядом аккуратной горкой высились белые кирпичи и стояло цинковое корытце, полное светло-голубой смеси. На табурете зачем-то стоял небольшой радиоприемник.

— Танцевать умеешь? — ни с того ни с сего спросил мастер.

— Не особо, а что?

— Жаль. Глину надо месить, танцую, — Андрей улыбнулся и, словно взмахнув крылом, рукой указал мне на ванночку.

— Пойдите, мне что, туда с ногами забираться?

Ответом мне был раскатистый смех ангелоподобного мастера.

... Я топала по густой склизкой смеси туда-сюда, стараясь попасть в жаркий ритм какой-то бесконечной восточной музыки, негромко доносившейся из радиоприемника (Андрей поймал не то кавказскую, не то турецкую волну). Мастер был прав: ритмичные движения делали работу если не легкой, то приятной и лишенной однообразия и скуки. Впрочем, о скуке не могло быть и речи: кто бы мог скучать с таким мастером — не только на все руки, но и на язык!

Мастер Андрей работал не быстро, но ловко и грациозно. Танцую, я любовалась его отточенными движениями и гибким телом. Он и сложен был по-ангельски: высок, тонок в стане, строен в ногах. Только руки выбивались из образа: мускулистые предплечья, широкие ладони, орудовавшие мастерком точно кистью живописца.

Работая, Андрей не умолкал ни на секунду. Его объемный, бархатный, мягкий баритон завораживал, лился в уши, словно елей, проникал в самое сердце и затрагивал тайные струнки души.

— А знаешь ли Дарья, что глина, которую ты месишь, совсем необычная?

— Какая необычная?

— Да можно сказать, волшебная! С этой глины тетя Домна колобки печет! Специально привожу ей в сезон по мешку.

— Зачем же ей колобки из глины?

— Лечит она ими. Разогреет колобок на огне, и катает по спине, у кого позвоночник болит. Глина эта любую хворь костную правит. Сама увидишь: чем больше по ней танцуешь, тем ногам легче. К концу дня не ходить — летать будешь, как греческий бог Гермес в крылатых сандалиях!

— Разве же можно лечебную глину на печку?

— Только такую и можно! Жар от нее целительный, чудотворный! Зимой окна не открывают, а дышится легко, как на просторе. Потому что глина эта — живая, в хату жилком дышит.

Выгребая размешанную глину из-под моих ног в небольшой тазик, Андрей поднял голову и метнул в меня озорной жаркий взгляд:

— А знаешь, Дарья, что Бог человека слепил из глины?

— Да, я об этом читала.

— А знаешь ли ты, что прежде человека Бог из глины слепил печь?

— Как — печь?

— Вот так — печь. Ну представь: в начале времен везде был только Хаос, холодный и бесприютный. И жил там одинокий Бог. Ему было зябко и голодно. И чтоб согреться и приготовить еду, он замешал глину и слепил себе очаг. И первым словом его было — что?

— Да будет свет?

— Не-а! Первое, что сказал Господь — "Да будет огонь в этом очаге!". А свет уже от огня сам по себе получился. И только потом, согретый и сытый Бог решил слепить человека — по образу и подобию печи.

— Вот как? — я не могла понять, дурачился ли мастер или говорил серьезно. — А я-то думала, что по своему образу и подобию.

— Была нужда ему плодить богов... Он сотворил из глины человека так же, как сотворил печь. Как у печи, он сделал человеку чело, щеки, плечи, ноги...

— Интересная теория эволюции.

— Это не теория, а самая что ни есть истина. Первым печником был Бог, оттого все мастера печные — боговы братья.

Он вновь залился смехом.

— Судя по тебе, Андрей, это чистая правда, — серьезно сказала я, и сама не заметила, как перешла на "ты".

Он тоже посерьезнел.

— А я и не шучу. Печь — сестра и мать Адамова. Сестра — потому что Отец один, мать — потому что глиняных людей Бог в печи обжигал и из лона их доставал, уже с божественным жаром внутри.

— Странные вещи я слышу... Ты ведь христианин, крест носишь. А в мифы веришь языческие.

— А я тебе не про нынешнего Бога рассказываю.

— А про какого же?

— Про древнего Бога, самого первого, который был от начала времен, отцом всего и отцом всех людей. Печь — это ворота в Навь, тот, древний мир. За каждой печью живет Бог начала, наш первопредок. Почему, ты думаешь, первые храмы человеческие не абы где были, а прямо в жилище, на месте очага? Да потому что если Бог в очаге живет, зачем же куда-то еще идти ему молиться? Он и сейчас там, только люди про это забыли. Кто с печью общий язык найдет, тот его увидеть может...

— И ты его видел?

Андрей тряхнул кудрявой головой (я не поняла, что это значит — да? нет?) и продолжал:

— Женское лоно Господь творил по образу той печи, внутри поместил огонь животворящий. Влагаешь в нее сырое, а получаешь готовое, с духом и душой. Печь из неготового в готовое, из смерти в жизнь переводит, из минувшего в грядущее. Очаг в доме — жизнь в доме, умирает последний из людей — гаснет очаг.

— А если нет в доме очага?

— Значит, это и не дом совсем. Да только так не бывает. Даже во временном доме очаг есть.

— Вот как? А у нас в квартире очага нет.

— Быть не может!

— Ни в одной городской типовой квартире я печи не видела. В домах побогаче, правда, каминьки есть, но и то единицы.

В глазах-углях чудесного мастера засветилось по крохотному солнышку.

— Дашенька-душенька, ластовка моя синеглазая! Кухня у тебя в доме есть? Плита есть? Или на чем ты обеды готовишь?

— Есть, конечно, но она же — газовая!

— Газовая, электрическая — большая ли разница! У огня всякая может быть природа — и газовая, и электрическая, и солнечная. Все едино! Любая печь — дитя той Божественной Первопечи. Любой огонь, у которого греешься и на котором еду готовишь, дом твой в храм превращает.

— Надо же... Буду знать теперь.

— Вот и знай! И с очагом своим обращайся соответственно, по всем правилам — там живет Первобог!

— По всем правилам это как?

— Печку свою — хоть и газовую — держи в чистоте, как в чистоте ты содержишь тело свое. Каждый день протирай! Пищу готовишь — благословляй крестом и молитвой, тогда частица ее Богу в дар пойдет, а взамен получишь здоровье и счастье семейное. Если печь хорошо попросить, она тебе дом сохранит от всякой напасти. И хворь прогонит, и печаль всякую. Знаешь, что в печи можно печаль свою сжечь, любую беду прогнать?

— Нет, не знаю... Как?

— А вот как. Святой воды возьмешь, в ней тряпочку намочишь, углы печные обмоешь. Затем ту тряпицу в остатках воды прополощешь и отожмешь хорошенько. Умоешься ею над чашкой, приговаривая: "смываю тоску, смываю беду, смываю черное горе", так двенадцать раз. Потом эту чашку с водой поставишь в духовку или на огонь, и пусть стоит там, пока не выкипит! А ты в это время рядом стой и приговаривай: "гори, тоска, гори, беда, гори, черное горе!". А еще огню печному можно дурные сны рассказывать, предчувствия нехорошие. Печка все выслушает, все пережжет, все к ладу направит. Внутри нее — переход из минувшего в настоящее, печь — почти как Бог, всемогуща, потому что каждый миг настоящего в минувшее превращается, а грядущее — в настоящее...

Его слова заворожили и испугали меня.

— Мастер Андрей... А ты ведь и вправду колдун и еретик. Теперь понимаю, почему про тебя столько баек ходит.

Он разразился хохотом.

— Колдун! Еретик!

Он хохотал так мощно, так пронзительно, так светло и звонко, что я не могла не поддаться магии его смеха. Мы безостановочно смеялись в течение нескольких минут, в глазах все расплывалось от слез, и когда в дверном проеме возникла чья-то плечистая тень, я не сразу поняла, кто это.

— Андрюха, ты зачем Дашутке хохотунчика подпустил? Вот смотри — муж придет, поборвет тебе уши-то за такие хиханьки!

Едва успокоившись и утерев слезы, я разглядела Федора.

Мастер Андрей, не переставая смеяться (снизив, однако, уровень раскатов на пару тонов), весело крикнул:

— Это я-то колдун? Вона, Федька колдун так колдун! Он что, не рассказывал тебе? Он же кузнец! Он такое колдовство знает, которого никто не ведает?

— И какое же это колдовство? — от любопытства я даже перестала смеяться.

— Старую бабусю на молодую дивчину перековать может!

Последовал очередной взрыв смеха. Но в этот раз Андрей смеялся в одиночестве: мне было интересно (и потому не смешно), а Федор стоял мрачнее тучи.

— Ну ты что болтаешь-то, — глухо прорычал он и вплотную приблизился к мастеру.

В первый момент я испугалась — уж больно грозен был у Федора взгляд.

— Ну ладно-ладно, подумаешь, тайну выдал...

— Федор, это правда? — спросила я, вконец замороченная и гомерическим хохотом мастера, и нахмуренным видом сына знахарки.

— Неправда, — отрезал Федор. — Долго вам еще? Мать вечерять зовет.

— Все уже, на сегодня все.

Мастер пристукнул рукояткой мастерка последний кирпичик, протер инструменты и сложил их в деревянный ящичек.

— Дашка, чего стоишь по колено в глине? Бегом — ноги мыть, и к столу!

— А как я пойду-то? — я в растерянности смотрела то на ноги, покрытые голубой пленкой, то на чистые босоножки, одиноко стоящие в углу.

— А вот как! — Андрей рассмеялся, подхватил меня на руки и вынес из дома.

[1] Глава 5

[1] **Стодарник. Таинство огня**

Мастер Андрей оказался прав: после нескольких дней «танцев» в корытце с глиняным раствором у моих ног словно выросли крылья. Я не ходила, а летала, чувствуя себя молодой, полной сил степной кобылицей, отбившейся от одного из диких маньчжских табунов. Андрей посмеивался, говоря, что благодарить надо его волшебную глину, но я подозревала, что дело не только в глине. Мастер Андрей обладал удивительным талантом менять все и вся вокруг себя. Изменились хозяева, изменились рабочие (забывшие вдруг суеверный трепет перед мастером печей), изменился мой муж. Глаза горели, руки и ноги двигались легко и свободно, еще свободнее текли мысли и разговоры, даже погода июля — самого жаркого на Донщине месяца — радовала мягким теплом, отложив изнуряющий зной то ли на август, то ли вообще на следующий год. (Это было очень кстати: в доме уже сделали потолок, и работать нам приходилось практически в закрытом помещении; в жару не спасли бы и окна — днем летний воздух неподвижен...)

Впрочем, и глина была волшебной тоже. За пять дней мои ноги окрепли и подтянулись, лодыжки, никогда не отличавшиеся тонкостью, вдруг приобрели неведомое доселе изящество. Мозоли сошли, словно сами по себе, кожа на стопах стала розовой и нежной, как у ребенка.

Как-то вечером в бане я похвасталась новым состоянием своих ног перед Домной Федоровной. Она улыбнулась:

— Это тебе диво. А я таких чудес на своем веку много видела. Глинка Андриюшина не только форму улучшить может. Знаешь, сколько она хворей лечит? Все не перечеть!

— А какие хвори? — спросила я, приготовившись запоминать.

— Разные, — коротко ответила знахарка. — Тебе-то чего для?

— Ну как... знать, что лечить голубой глиной.

— Знать не все полезно. Глинкой лечить можно не всякий недуг, тут надобен точный диагноз. А то есть любители: лечат глиной все подряд, а их потом вперед ногами с хаты выносят.

— Разве от глины умирают?

— От глины — нет, а от дурусти еще как.

— Тогда тем более скажите, что можно глиной лечить, а что нельзя!

— Про «лечить» — не скажу. А для красоты, для здоровья могу научить, как глиной пользоваться.

И тем же вечером я записала от нее несколько «рецептов красоты» с голубой глиной.

Месить глину с утра до вечера — занятие не из легких. Иногда на подмогу мне приходил Володя, а я занималась тем, что подавала мастеру Андрею кирпичи, предварительно обтерев их влажной тряпочкой. Но больше всего мне нравилось оставаться с ним вдвоем и слушать его бесконечные сказки о творении мироздания. У него был совершенно особый взгляд на эволюцию и историю человечества.

Как-то я спросила его:

— Отчего ты все время смеешься?

— Оттого что Бог сотворил Вселенную, смеясь.

— Разве в нашей жизни так много смешного? Скорей, больше грустного...

— Все зависит от того, под каким углом настроен фокус твоего зрения. Можно видеть дорогу и манящую синь горизонта, а можно замечать лишь коровьи лепешки под ногами.

— Но если все время вглядываться только в манящие дали, то и дело будешь попадать ногой в коровьи лепешки, — возразила я.

— Вот потому и надо быть внимательной к пространству. Да ты и сама это знаешь, иначе для чего тебя тетя Домна Спасу учит?

В первый раз за все дни он заговорил о том, что интересовало меня больше всего. Я тут же воспользовалась этим:

— Андрей, а ты тоже Спасом владеешь?

Он положил последний кирпич в ряду, любовался идеально ровным швом и с улыбкой произнес:

— Спасом владеть не может никто. Это он людьми владеет.

— А как же знания, практики, молитвы? Законы Спаса, наконец? Это же навыки, без которых человек не познает Казачий Спас!

Андрей заблестел глазами:

— Свод законов и навыков — не догма. Спаса люди достигают не потому, что они делают то-то и то-то, а потому, что они — *делают*.

— То есть, неважно, что я предпринимаю, главное, что я стремлюсь к познанию Спаса?

— В общем, верно. Дорогу осилит идущий! Но можно лазить по бурьянам, а можно шагать по широкой утоптанной тропе. Для того эти практики и нужны.

— А ты это все тоже проходил, чему меня Домна Федоровна учила? И пульс пространства, и белый шум?

— Практик, Дашутка, много. Все хотя бы по разу попробовать — жизни не хватит. Каждому дается то, что подходит ему больше всего. Хороший учитель знает, что надо изучать ученику, каков его путь в Спасе.

— А ты что изучал? Каков твой путь?

Андрей посмотрел на меня так серьезно, что и вправду стал похож на настоящего архангела:

— Я — мастер Огня.

— Почему огня? Скорей уж, мастер очага, ты ведь печи делаешь...

— Только познав природу Огня, можно построить для него правильное жилище. В печи дикий огонь в ручной превращается и человеку служить начинает. Но если ему не понравится в его доме, он будет мстить человеку.

— Как так — мстить?

— По всякому. Греть не станет, или пищу портить будет. А то и хату спалить может!

— Так вот откуда все эти разговоры... — подумала я вслух.

— Какие разговоры?

— Ну, что ты, если хозяева тебя обидят, можешь в печь колдовство положить, и...

Андрей перебил:

— Дашка! Ты посмотри: меня что, можно обидеть?

Его взгляд прошел сквозь меня как электрический разряд. Я тут же зарделась.

— Нельзя... я бы не смогла... даже если сильно захотела...

— Это во-первых! А во-вторых, если и обидит кто, сама подумай: станет ли мастер (не только я, любой уважающий себя печник) портить свою репутацию только из-за того, что кто-то ему не угодил?

— Действительно...

— Вот и действительно! Тот, кто позволяет себе класть печь грубо, небрежно, кто работает в спешке и думает только о деньгах, мастером называться не может! Таких вообще нельзя подпускать ни к глине, ни к кирпичам! А тем более — к огню. Да такие огня и сами боятся... Запомни, Дарья (вдруг будет у тебя свой дом и соберешься печь класть или камин) — настоящий мастер печь сам сложит и сам ее протопит в первый раз. По этому разу и станет ясно — мастер он или халтурщик. Печь, сделанная мастером, огню нравится, он живет там сам по себе. На такую печь и дров-то много не надо, огонь в ней малым питается. И погаснет — не уходит, а лишь засыпает, оттого печка долго тепло держит. У хороших мастеров печь до месяца может тепло хранить! А у иных — вовсе не остывает!

Я засмеялась:

— Что я про тебя знаю точно, Андрей, это то, что ты — мастер слова. Слушаю твои сказки и верю...

— Мастер Слова — тетя Домна. А я — мастер Огня.

— Домна Федоровна — мастер Слова? Она мне ничего про это не говорила.

— Потому что рано еще тебе Слову учиться, — с неохотой сказал Андрей.

— А...

— Дашка! Не спи! Шибче, шибче ногами перебирай! Воды подлей, не видишь, глина сохнет! — сердито-весело гаркнул он, и сбил меня с мысли.

Я подлила в корытце теплой воды из кувшина и энергично захлюпала ногами по глине. Пот катился с меня в три ручья, я сосредоточилась на дыхании, глубоко и ритмично вдыхая носом, а выдыхая ртом. Разогретый воздух был насыщен запахами глины, воды, дерева, соломы и навоза (как только положили потолочины, дом начали обмазывать саманом). Прямо за спиной у меня раздавались звуки скребков: корытце стояло в углу, близко к стенкам, и все звуки я чувствовала буквально кожей.

У Андрея кончилась смесь, он подошел ко мне наполнить тазик свежесмешанной глиной. Загребая ее, тыльной стороной ладони он коснулся моей лодыжки. От этого прикосновения меня бросило в озноб, кожа моментально покрылась мурашками.

Андрей усмехнулся:

— Замерзла? И то сказать — январь на дворе...

Под его взглядом я дрогнула и, чтобы перевести разговор в другое русло, спросила:

— А чего корытце тут стоит? Можно ведь ближе подвинуть, к кирпичам. И ходить туда-обратно не надо будет за каждым разом.

— Где надо, там и стоит. Это сильный угол, здесь глина Божьей энергией заряжается.

Тут до меня дошло, что корытце стоит не где-нибудь, а на месте Стодарника.

— Точно! — вскрикнула я. — Здесь же Стодарник будет!

— Ух ты, и это знаешь? — улыбнулся мастер.

— Только это и знаю... А больше мне никто ничего говорить не стал! Сказали — придет Андрей и сам все расскажет.

— Кто сказал?

— Алексей Петрович... Мы с ним где-то неделю назад беседовали о местах силы.

— И что он тебе поведал?

— Где сильные места в доме находятся. Но больше — ничего, сказал, чтобы подробнее я тебя расспросила.

Андрей помолчал, глянул куда-то поверх меня, засмеялся глазами:

— Ну, и что ты узнать хочешь?

— Все хочу узнать. Про Стодарник, как его обустроить, и зачем он в доме нужен. Про места силы и места влияния...

— Ладно. Раз дядя Леша сказал, значит, оно и в самом деле тебе нужно. Только, Дарья, это уже не прибаски, а наука. Так что слушай в оба уха и принимай всерьез.

— Я тебя, Андрей, и так всерьез принимаю...

Он закончил ряд, сполоснул руки:

— Хватит на сегодня. Четыре ряда сделали.

И подмигнул мне:

— Ну, иди мойся и возвращайся. Учиться будем!

Я быстренько обмылась в летнем душе, сбегала на хутор, взяла тетрадку; Домна Федоровна «нагрузила» меня еще и ведерком с ранними персиками — угостить рабочих.

В дом мы с Андреем не пошли: там было слишком влажно и душно. Подставив солнцу непокрытые головы, мы полуулеглись на том холме, откуда Алексей Петрович показывал нам с Володей дом и направления света.

Мастер взял у меня тетрадку и ровными точными линиями быстро начертил план дома. Нарисовал в центре квадратик — печь, крестом в углу отметил Стодарник, между ними провел пунктирную линию.

— Смотри, Дарья. Центр — очаг, полдень — Стодарник. А между ними — жизнь.

Он показал поочередно на квадратик, крест и пунктир.

— Что такое полдень?

— Полдень — это юго-восточный угол дома. В полдень солнце стоит прямо над ним.

— А как понять — между ними жизнь?

— Помнишь, я тебе говорил, что в очаге живет Первобог?

— Помню...

— Первобог обитает в мире, называемом Навь. Там живут души наших предков, и туда после смерти уйдем и мы. Оттуда же в этот мир приходят новые души. Так что печь — она и могила, и родовое

чрево, вынашивающее новую жизнь. Печь в доме — образ Матери-земли. У печи молят о будущих детях, а недоношенных или больных от рождения детей в печи перепекают.

— Как — перепекают?

— С особой молитвой на лопатке в остывшую печь помещают на некоторое время больное дитя, затем вытаскивают. Проверено — ребенок после этого поправляется и растет как надо. Про этот обряд ты тетю Домну спроси, она многих младенцев так «перепекла».

Мастер Андрей вернул мне тетрадку и ручку, жестом показал — пиши, забудешь!

— Кстати, Дарья, ты никогда не задумывалась, почему мужчины (те, которые умеют) готовят лучше женщин? — вдруг ни с того ни с сего спросил он.

— Нет, не задумывалась... Хотя действительно, я замечала, что у мужчин еда получается будто бы вкуснее.

— Не будто бы, а вкуснее и получается! Это совсем не случайность и говорю я тебе об этом не просто так! Печь или плита в доме — женское начало, животворящее, мягкое. Когда мужчина готовит, он ее своей мужской силой оплодотворяет, уравнивает. И потому пища становится полной и равновесной, содержит в себе мужскую и женскую энергию, то, что на востоке называют инь и ян...

— Здорово! — восхитилась я. — Буду заставлять Вовку готовить!

— Ни в коем случае! Мужчину заставлять нельзя, — мастер Андрей глянул на меня необычайно строго. — И не только готовить. Мужчина должен делать все сам. Женщина может лишь вдохновлять...

Он глубоко вздохнул.

«Кто же тебя вдохновляет?» — подумалось мне...

— Стодарник, или Святой угол в доме — противоположность печи. Это мужское начало, жесткое, ян. Там живет Господь будущего, Спас. Стодарник ведет нас к нему, это ворота в мир Правы, небесный мир, мир Духа. Линия между Навью и Правью — это Явь, наша жизнь. Важнее этой линии в доме нет ничего, но существовать она может, лишь если в доме есть Очаг и Стодарник. Эти два огня творят и хранят Справный Дом.

— Почему два огня?

— Потому что и природа Очага, и природа Стодарника — огненная. Огонь очага — земной, домашний, живородящий. А огонь Стодарника — небесный, Духовный, дающий Жизнь Вечную. Еще он — огонь творческий. Силы этих двух огней, взаимно притягиваясь, создают мощнейшее напряжение, так что Явь — это не только линия жизни, но и линия силы. Очаг — я тебе говорил — есть в каждом доме. А вот Стодарник имеется не у всех. Оттого и в домах разлад, что прошлое в вечный тупик упирается. У тебя вот квартире Стодарника наверняка нету.

— Точно, нет... Приеду — сделаю. Только ты мне объясни, как правильно надо.

— Охохонюшки. Правильно в городе? Сложная задача. Но с другой стороны, чем вообще жить без Стодарника, лучше устроить его немножечко не по правилам. Должен он располагаться в углу наискосок и справа от входа в комнату. Желательно, если этот угол будет юго-восточный, или восточный, или северо-восточный. Не получится — не беда. Стодарник — Богов угол, а Бог выше всех существ находится, поэтому угловую полочку, на которую иконы поставишь, вешай выше всякой мебели в доме, под самый потолок. Полочку покроешь белым полотенцем. Полотенце — символ Пути, белый — цвет чистоты твоих помыслов. Затем уже и образа ставить. Помимо образов, на Стодарник кладут фотографии живущих в доме и тех, кого нет уже на этом свете. Дух Святой, от образов исходящий, оберегает живых и дарит покровительство

ушедших предков. Также можешь положить туда свечечку и горошинку ладана. А еще — монету, чтобы богатство твое было Духом освящено и всегда приходило праведным путем.

Мастер смолк, ожидая, пока я все запишу.

— Стодарник — место в доме очень важное, — продолжил он несколько минут спустя. — Постарайся устроить его так, чтобы под ним можно было поставить обеденный стол.

— Это что, на кухне получается?

— Если вы не обедаете в комнате, тогда да — на кухне.

— А как же в комнате? Стодарника не будет? Или там тоже можно его сделать?

— Стодарник в доме один, как Бог один. В комнате ты можешь все углы образами освятить, но Стодарник будет у тебя только в одном месте, и под ним должен быть стол. Потому что стол — Божья ладонь, Бог тебе на ней дает хлеб насущный. И еще, потому что стол под Стодарником — место жизненной силы. Всякая пища, поставленная на него, наполняется благодатью. Совместный обед под Стодарником скрепляет семью Божественной любовью. За этим столом любая проблема в семье решается, а если беда случится — муж охладает или ребенок с дорожки собьется, то на Божьей ладони надо устроить Христов обед.

И, не дав мне задать вопрос, мастер велел:

— Пиши дословно!

Медленно проговаривая каждое слово, подстраиваясь под ритм моего почерка, он начал диктовать:

— Возьмешь чистый платок или тряпочку, расстелешь в центре стола, потом горсточку соли на платок высыплешь, по углам платка зажжешь четыре свечки и двенадцать раз прочитаешь молитву:

Боже Спасителю наш, пришедший во Иерихоне при Елисее Пророке и вредные воды солью исцеливый, сам благослови и соль сию, и преложи ее в жертву радования. Ты бо еси Бог наш, и тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Затем, в ближайшее воскресенье пойдешь (исповедовавшись!) к заутрене, возьмешь с собою эту соль, завернутую в платок. Станешь ближе всех к алтарю, положишь мешочек с солью перед образом Спасителя или Богородицы (да делай это так, чтобы никто из посторонних не приметил, иначе быть неприятностям!) В течение службы зажжешь перед образом одну за другой столько свечей, сколько человек в семье, а перед уходом заберешь с собой огарочек самой первой зажженной свечи. Также возьмешь из церкви домой и просфору. Соль освященную поставишь на стол, ею же приправишь все кушанья; просфору искрошить надо в суп или кашу. При приготовлении обеда попеременно читай "Отче наш", "Богородице", а перед самой подачей — "Достойно есть". Огарок свечи зажжешь от огня из очага и поставишь в центре стола или на Стодарник.

Андрей шумно вздохнул и откинулся на спину. Улыбнулся в небо:

— Ну вот. После такого обеда мир в доме гарантирован.

Где-то на краешке мыслей у меня вертелся неявный вопрос, как будто я что-то упустила. Я просмотрела «конспект». А, вот оно...

— Мастер Андрей, — спросила я, — а какие образа надо ставить на Стодарник? И сколько?

— Образ Спасителя в центре, и два других по сторонам: Богородицу и святого, которого почитаешь более всех. Какой образ Богородицы — это от тебя зависит. Лучше, если он достался тебе по наследству. Но ежели нет, надо выбрать свою Божью Матерь. Для того накануне любого праздника походи в храм при монастыре, вечером исповедуйся, а утром иди на самую раннюю монашескую службу. Обычно это часов в пять утра происходит. Монашеская молитва, так же, как и детская, Богу слышнее всего...

Он приподнялся на локте.

— Да и в такое время людей в церкви нет, никто тебе мешать не будет. Во время службы походи по храму, всмотришься в лики Божьей Матери. Которая тебе шепнет слово заветное, тот образ и покупай.

— А если я не услышу слова?

— Услышишь. Всякий слышит, кто с чистым сердцем в храм приходит.

— А у тебя какой образ? Или это тайна?

— Совсем не тайна. Мой образ — «Неопалимая купина».

— Ты сам его выбирал?

— Нет. Образ этот передается от дедов к внукам в семьях Мастеров Огня. «Неопалимая Купина» — покровительница нашего рода. Ты ведь знаешь мистическую символику этого образа?

— Нет...

— Неопалимая Купина — это и вместилище, и источник Божественного, Благодатного огня. Того огня, что рождается внутри женского лона, оплодотворенного огнем Небесным... Огонь Благодати Божьей снисходит сверху и рождается внизу одновременно, пронизывая все грани существования Духом Святым. Неопалимая Купина вмещает в себя Навь — материю-землю, Правь — дух, и Явь — жизнь. Это тоже образ Троицы — Троицы Огня...

Завороженная, я смотрела на мастера. Спешащее на закат солнце облило антрацитовые кудри жидким золотом. Угли зрачков полыхали неземным иссиня-радужным пламенем. Взгляд, устремленный в темнеющий горизонт, простирался так далеко, что, казалось — сквозь не наступившую еще ночь он уже видит зарево будущего дня. Меня охватило странное трепетное чувство, будто я поняла нечто важное, важнее чего нет на свете...

— Мастер Андрей. А я знаю, почему ты — Мастер Огня. Огонь — твоя сущность, он живет внутри тебя и согревает любого, кто находится рядом. Оттого так горят твои глаза и глаза тех, кто видит тебя.

Он посмотрел на меня так пронзительно и жарко, что все мое тело — от кончиков пальцев ног до корней волос — начало гореть. Но прежнего оцепенения не наступило: за несколько дней общения с мастером у меня выработался «иммунитет» к его огненным взглядам.

— Была бы деревяшкой — загорелась бы... — пробормотала я.

У Андрея в глазах заплясали веселые искорки. Одновременно, в унисон мы громко захохотали, чем привлекли внимание рабочих, собиравших на плане инструменты. От группы людей отделилась фигура в клетчатой рубашке и направилась к нам.

— Эй, сладкая парочка! — не дойдя нескольких шагов до холма, нас окликнул мой муж. — Над чем смеетесь? Поделитесь с простым работягой!

Прошло еще несколько дней; к вопросу о Спасе, огне и Стодарнике Андрей не возвращался, меня же — каждый раз, когда я пыталась возобновить этот разговор, обрывал шуткой, либо морочил голову диковинной байкой.

Июль перевалил за середину. Как-то ночью я проснулась от ощущения жестокого жара в груди. Горло пересохло, дышать было очень трудно. Я тихонько встала, вышла в кухню-гостиную, достала с полки чашку, открыла кран. Вода почему-то не полилась. Я взяла чайник, но он оказался пустым... Глянула на часы: три. Не идти же к колодцу в три часа ночи! Но при мысли о том, что до утра мне придется мучаться жаждой, меня обожгло еще сильнее и я, взяв чайник и фонарик, вышла во двор.

У колодца маячил чей-то высокий силуэт. Мне стало не по себе; я инстинктивно отступила на шаг, погасив фонарик. Со стороны колодца послышался бархатный смешок:

- Дашка! Я тебя засек, тикать поздно!
- Господи, Андрей!!! Доведешь до инфаркта... Ты что тут делаешь?
- Тебя жду, — полушепнул он, подойдя так близко, что я услышала стук его сердца.
- Я сглотнула слюну и тут поняла, что жар ушел, а пить совсем не хочется.
- Ты опасный человек, мастер Андрей...
- Пошли, разговаривать некогда.
- Куда? Зачем?
- Постигать природу Огня.

Минут двадцать мы шли во тьме. Внизу пело сверчками бескрайнее море июльской степи, вверху колыхалось серебряно-черное море звезд, мерцающих голубыми, красными и белыми искрами прямо над нашими головами. Вдали показалась ярко-оранжевая точка, расположенная будто бы на самой земле. Мы шли прямо на нее, точка росла, но только подойдя к ней, я поняла, наконец, что это. Посреди степи была вырыта круглая яма, в ней плотным оранжево-красным светом горел огонь.

Андрей взял меня за плечи, подвел к самому краю ямы.

— Стой здесь, — приказал он.

Сам обошел яму по кругу и встал напротив меня. Извлек откуда-то из-за спины кусок темной материи, сложил ее несколько раз и завязал себе глаза.

— Раздевайся и садись на колени! — раздался бархатный баритон.

Я скинула одежду и села на краю, положив руки на колени ладонями вверх.

— Смотри на огонь, дыши огнем, повторяй молитву: «Силой Святого Духа, огненный мир, откройся! Аминь»

Я стала вглядываться в огонь. Внутри багряной плазмы, словно драгоценные нити в тончайшей газовой ткани, искрились мириады золотых точек. Огонь играл всеми оттенками пурпурного, желтого, апельсинного... Вдох — и огнем наполнилась каждая клеточка тела.

— Силой Святого Духа, огненный мир, откройся! Аминь, — на выдохе сотворила молитву.

— Силой Святого Духа, огненный мир, откройся! Аминь, — отозвалось с того края ямы, пока я вдыхала вновь.

Огненное дыхание, перетекая сквозь огонь от меня к мастеру Огня и обратно, то учащалось, то замедлялось почти до полной остановки. Воздух исчез, как исчезла земля подо мной и небо над нами. Миром владел Огонь, огнем я дышала, огнем я видела и молитву творила тоже огнем. Тела я не чувствовала, я вся была одним сгустком пламени, и меня тянуло к костру, разросшемуся до вселенских размеров. Сначала я боролась с этим притяжением, боясь, что если упаду в яму, то сгорю заживо, затем, когда границы мира запылали и растеклись жидким пламенем, я бросилась вперед и слилась с этим всепожирающим жадным огнем... Ощущения, захватившие меня в центре пламени, я не смогла бы описать словами, даже зная все языки вселенной. В одно время — и восторг, и трепет, и наслаждение, и смех, и — музыка, величавая и торжественная, как гимн. Она звучала откуда-то сверху, и вдруг из пламени этой музыки полились слова:

[цитата]

Ты, о Агни, рождаешься вместе с днями,

Ты, радостно пылающий нам навстречу,

Ты — из вод, ты — из камня,

Ты — из деревьев, ты — из растений,
Ты, повелитель людей, рождаешься чистым...
[конец цитаты]

Гимн облекался в слова, а мир возвращался в прежние формы и образы. На Востоке розовел рассвет. Степь окутала влажная дымка. Я увидела себя, сидящей на краю черной ямы; на дне ее дымились уголья, от огня не осталось и искорки. Мастер Огня допел последние слова гимна.

Я поднялась и оделась. Андрей снял повязку, мы молча пошли домой.

Знахарка встретила нас у входа в сад и повела в беседку. Там, на деревянном столе под виноградом, стоял кувшин и два стакана. Мне тут же сильно захотелось пить, и жажда была гораздо сильнее той, от которой я проснулась ночью. Знахарка наполнила стаканы. Это был другак, и мы, несмотря на ранний час, осушили весь кувшин.

— Спать хочешь? — спросил Андрей.

Я отрицательно помотала головой.

— Тогда иди умойся и приходи на план.

Я тихонько вошла в дом и первым делом посмотрела на часы. Полшестого. Заглянула в нашу комнату. Володя еще спал. Я переоделась в шорты и майку.

— Ты давно встала, Дашунь? — сонно прохрипел муж.

— Давно. Я на стройку, меня Андрей ждет.

— Не знал бы тебя и его, стал бы ревновать...

К концу дня печь была сложена уже до потолка, оставалось вывести дымоход через потолок на чердак, а оттуда — на крышу (кровельные перекрытия были уже готовы, со дня на день их начнут покрывать оцинкованным шифером).

Вечером Андрей вновь позвал меня на холм. Взяв мои ладони и сложив их лодочкой в своих руках, он поинтересовался, каковы мои впечатления от ночного ритуала.

— Мне не выразить это словами, — негромко произнесла я. — И блаженство, и радость, и сила... Не было только боли. Но хотелось умереть.

— Умереть? — удивился мастер.

— Ну нет... — я не знала, как объяснить. — Не умереть, а слиться с этим огнем, превратиться в его стихию и больше не возвращаться к человеческому существованию.

— Прошлой ночью ты почувствовала природу огня и поняла, что его можно приручить, лишь став его частью. Но это — не твой путь. Огонь тебя принял, но ты бы не прошла искушения, не будь меня рядом. Я хотел поселить в тебе огонь, открыть в тебе дар озарять и согревать мир этим внутренним огнем. Но это оказалось слишком сильным переживанием для тебя.

Он отпустил мои руки и отвернулся. Когда он повернулся вновь, глаза его светились нежностью и любовью.

Огонь никогда не станет твоей стихией. Но он будет верным другом тебе. А ты должна знать, как к нему обращаться. Отблеск его теперь живет в твоём сердце, и первое, что ты сделаешь, вернувшись домой — поселишь огонь в своём доме.

Я открыла тетрадь и начала записывать, едва сдерживая слезы, понимая, что это последний мой урок с мастером Огня.

[дневник]

[3]Приручение огня

Практика, направленная на привнесение божественного огня в свой дом и свое сердце. Снимает усталость, апатию и лень, восстанавливает энергетику, освящает пространство дома.

Для выполнения этой практики в доме обязательно должен быть Стодарник, а под ним — стол.

Приготовить двенадцать церковных свечей. Установить эти свечи в центре стола кругом. Зажигая по очереди каждую из свечей (по ходу солнца), читать молитву:

«Силою Духа Святого, огненный мир откройся. Аминь!»

Когда свечи будут зажжены, встать у стола, руки простереть над свечами (ладони должны быть обращены к огню). Глубоко вдыхая носом, представлять, как сила огня вливается в руки. Вдох чуть задержать, на выдохе поднять руки, развернуть ладони в пространство, и, представляя, как огненная энергия выходит из рук, проговаривать про себя молитву:

«Светом Божественного Твоего огня, Отче, освяти дом сей, молитвами Пречистой Твоея Матери, Купиною Неопалимой нареченной. Аминь».

Практику не прекращать до тех пор, пока не погаснет последняя свеча. Внимание! Если свечи сгорают медленно и сильно коптят, значит, в доме скопилось много негативной энергии. В этом случае практику «Приручение огня» следует повторить через неделю еще раз.

[конец дневника]

[2] Рецепты красоты с голубой глиной

[цитата]

[3]От выпадения волос:

Масло подсолнечное нерафинированное жареное — 1 ст. ложка. Перец горький красный молотый — щепотка. Глина голубая кембрийская — 3 ст. ложки. Перец залить 50 г кипятка и дать настояться в течение получаса. Смешать с глиной и маслом и нанести на кожу головы у корней волос. Голову покрыть пищевой пленкой и замотать полотенцем. Спустя 2 часа маску смыть при помощи шампуня, смешанного с голубой глиной. Мыть таким образом голову через 1-2 дня в течение месяца. То же средство отлично помогает и от перхоти.

[3]При сухой и шелушащейся коже:

Столовую ложку сухой глины смешать со столовой ложкой овсяных хлопьев; смесь развести кипятком до получения густой кашицы. Разогреть и в горячем виде нанести на лицо. Держать 15 минут, потом, массируя, смыть. Очень хорошо использовать эту маску для снятия остатков макияжа в конце дня. Маска тонизирует, «проветривает» кожу, улучшает кровообращение.

[3]От болей в мышцах:

Льняную или хлопковую салфетку промочить в холодном жидком растворе глины. Обернуть больное место несколько раз и держать, пока повязка не нагреется и не начнет подсыхать. Применять несколько дней, после снятия повязки смазывать больное место растительным маслом.

[3]Для снятия отеков в ногах

В ведре или глубоком тазу приготовить жидкий раствор глины (100 г на 5 л воды). Опустить ноги в раствор на 15-20 минут. Применение этого средства в течение нескольких дней позволяет с легкостью избавиться от мозолей и вросших ногтей, улучшает состояние вен и облегчает боли при артрозах.

[3]Глина наговоренная от порчи и стресса:

Из порошка сухой глины приготовить густую смесь, скатать из нее колобок. Расстелить на столе клеенку, положить колобок в центре стола, перекрестить его, сказав «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь». Затем взять колобок в руки, и с силой бросать его о стол, приговаривая:

«Шли три святителя на речку Иордань. Брала три святителя глину речную, стали ее мять и кидать, стали приговаривать: как глина речная иорданская Крещением Христовым освящена, защищена, покрыта, так бы и раб Божий (имярек) этой бы глиной освятился, защитился, покрылся. Хай его болезнь от него выходит, идет на каменную гору и там корень пускает. Аминь.»

Повторить заговор тридцать три раза. Эту наговоренную глину можно прикладывать к больной голове, привязывать к запястью, зашивать в ладанку и брать ее в дорогу в качестве оберега.

[конец цитаты]

[1]Глава 6

[1]Места влияния

Спустя три дня с той самой ночи, когда Андрей посвящал меня в стихию Огня, печь была сделана, обмазана жаропрочным составом (опять-таки, на основе голубой глины) и выложена красивой светло-голубой плиткой. До первой протопки оставалось еще несколько дней — ждали, пока высохнет кладка. Теперь строители покрывали крышу, монтировали межкомнатные перегородки и настилали пол. В доме с утра до вечера былолюдно, шумно и суетно. Я туда не ходила — и без меня тесно, а Андрей следил за тем, чтобы рабочие невзначай не задели свежую кладку. Помимо своего ремесла, знал он в тонкостях и строительное дело, а потому людям с ним работать было легко и радостно. Особенно близко сдружился с мастером Володя; обсуждая физико-химические свойства глины, дерева и огня, они быстро нашли общий язык, а за наукой потянулись и другие темы. Теперь уже мой муж не расставался с мастером с утра до вечера, и настал мой черед ревновать...

Пять дней я не показывалась на стройке (за исключением, разумеется, обеда). Домна Федоровна подтрунивала надо мной:

— Ты чего на план носу не кажешь? Аль разладилась любовь у вас с Андрюшкой?

— Не до меня ему, Домна Федоровна, — так же в шутку отвечала я. — Променял меня — на моего же собственного мужа!

И мы обе смеялись.

Шутки шутками, а мне очень не хватало моего нового наставника в Казачьем Спасе. Чтобы не грезились все время жаркие очи-уголья, я с головой окунулась в хуторской быт, научилась готовить как настоящая казачка (даже Алексей Петрович уже не отличал мою стряпню от пищи, приготовленной его женою). Я очень гордилась этим обстоятельством, а хозяйка лишь усмехалась:

— Была бы корова да курочка, сготовит и дурочка!

По утрам я отправлялась на родничок и ходила с молитвою по воде. Постепенно мысли мои успокоились, черные очи перестали блазниться на каждом шагу, и за обедом я уже не прятала взгляды от

мастера Андрея. Крышу покрыли листовым оцинкованным шифером, и теперь дом, словно египетская пирамида, отбрасывал солнце с течение дня с четырех сторон попеременно. Зрелище это было поистине грандиозным: один из скатов крыши постепенно наливался светом, густел алмазными искрами, и в означенный час — ровно на минуту — выкидывал в высь золотой луч, будто посылал приветственный жест небу и сокрытой за ним Вселенной. Я высчитала по времени, когда происходят отблески, и старалась непременно каждый раз смотреть на это явленное чудо, которое почему-то никто, кроме меня не замечал. Особо мне нравилось наблюдать отражение вечернего солнца с западной стороны дома. Начиналось оно около шести часов вечера, солнце степенно двигалось к закату, пышноло, увеличивалось в размере и чуть румянилось, как масленичный блин. Западный скат крыши мягко золотел, розовел, и наконец, наполнялся червонным тяжелым золотом, которое нехотя выливалось огненной рекой в предзакатное небо. Наблюдать эту великолепную картину было особенно удобно с облюбованного мной и Андреем холма. Вот и сегодня я, закончив дела на хуторе, поспешила на холм. В полшестого крыша уже искрилась, осторожно поблескивала тысячами звонких солнечных чешуек, словно в оркестре в последний раз настраивали инструменты перед тем, как грянуть увертюру. Но в какой-то момент сияние застыло, потеряло блеск и — исчезло. Остался лишь треугольник тусклого серебра. В недоумении я повернула голову. С запада надвигалась огромная, в полнеба, туча — плотная, фиолетово-черная. Она разделила небо на две половины — черную и белую (выцветшая июльская синева в контрасте с тучей казалась совсем светлой). Туча двигалась необычайно быстро, меня обдало порывом резкого, сухого, смешанного со степной пылью, ветра. Я поднялась навстречу дыханию грозы, закрыла глаза, подставив лицо под этот ветер, напоенный запахами трав и цветочной пылью. Он свистел у меня в ушах, кожа остыла и моментально покрылась мурашками. В этой почти медитации стояла я несколько минут, пока не почувствовала, сильный жар сзади, будто прислонилась спиной к горячей печи.

— Гроза надвигается, ты бы не стояла тут — громоотводом.

Я даже не вздрогнула, будто была готова именно сейчас, в эту минуту, услышать теплый, знакомый до боли бархатный баритон.

Я открыла глаза и повернулась.

— Думаешь, ударит?

— Не думаю, а знаю. Донские грозы — злые, неистовые. Особенно летом. Стоять на пригорочке, как ты, опасно. Молния как раз тянется, к чему повыше. Так что пошли.

Мы спустились с холма и, ловя щеками первые крупные капли, вошли в сад.

— А кстати, — схватил меня вдруг за руку Андрей, — ты что там делала все эти дни на холме? Причем в одно и то же время...

Немного смутившись, я рассказала ему о своих наблюдениях за крышей-пирамидой и золотых лучах.

— Вон оно что, — протянул удивленно мастер. — А я-то думал...

Что думал, он так и не сказал. Резко повернулся:

— Подожди меня в беседке.

И быстрым шагом направился к дому.

Я зашла в беседку, села, прислонившись к точеной колонне, и стала смотреть, как тяжело и неохотно падает дождь на виноград. Чистые капли, прыгая на молодые, покрытые нежнейшим серебряным ворсом, листочки, скатывались в прозрачные жемчужины, и я, как в детстве, стала мечтать, о том, как было бы здорово сделать вот такую вот брошь — капля дождя на виноградном листе... или серьги...

— Хватит мечтать, Дарья! На! Бежим, пока там все не промокло!

Андрей, закутанный в *винцераду**, сунул мне в руки точно такой же плащ.

Мы вернулись на план и уселись на досках прямо напротив северо-восточного угла дома, метрах в десяти.

— Смотри, что сейчас будет! — толкнул меня Андрей и показал на крышу.

[примечание]

**Винцерада — дождевое пальто из брезента.*

Минут пять я смотрела на крышу, на небо, но ничего не происходило, лишь сильнее барабанил дождь по металлу и пронзительней становился ветер. Вдруг небо расколосось на части и полыхнуло сразу несколькими молниями, мгновенно окрасив все вокруг в фиолетовый потусторонний цвет. Обращенные к нам скаты крыши, бывшие до того свинцово-серыми, вдруг зажглись неестественно ярким заревом, отбросив во все концы неба столбы ослепительного радужного света. Это продолжалось какую-то долю секунды, но успело отпечататься в сознании картиной столь феерической, столь нереальной, что я позабыла все слова.

— Сказка... — только и смогла пробормотать я, когда немного погодя ко мне вернулся дар речи.

— Это не сказка, это — правильное положение дома в пространстве. Ну, и конечно, такая, как следует, форма крыши, — отозвался Андрей тоном до того спокойным, что мне стало даже немного обидно.

— Да как же так можно подгадать расположение дома, чтобы этак-то вот... полыхало! — возмутилась я. — Да и кто будет строить дом, только исходя из того, чтоб во время грозы было так красиво!

— Будет. Тот, кто знает, тот и будет, — заверил меня Андрей.

— О чем знает?

— О том, что природа прекрасна и совершенна, и жилище, построенное в ней, должно быть так же прекрасно и совершенно, как и она... Даже во время грозы.

— И что же, можно так поставить жилище, чтобы молнии отражались в скатах крыши? Но ведь даже крыши не у всех такие!

— Вот потому что не у всех, ты и не видела ничего подобного раньше. А крыша именно такой и должна быть — четырехскатной. Это — идеальная форма, золотое сечение. Именно так строились египетские пирамиды.

— Только строились-то они не для жизни, а для того, чтобы дольше сохранялись мумии — глухо отозвалась я.

— Но человек! — рассмеялся Андрей. — Человек в миллион раз лучше мумии! И крыша любого дома человеческого должна быть непременно со скатами, иначе токи небесные дом омывать не станут, а энергия, скапливаясь на плоской крыше, копиться будет, застаиваться, создавая ненужное напряжение между токами земными и небесными. И тем, кто в доме живет, в напряжении этом существовать ой как не просто!

— Но я не могу изменить крышу нашего дома, — расстроилась я. У нас в городе все почти крыши плоские...

— Значит, придется время от времени убирать это напряжение из своей квартиры.

— Расскажешь мне, как?

— Ты это хочешь услышать здесь, под дождем?

Он вскочил, протянул мне руку, дернул, поднял — и мы помчались к дому, под защиту пирамидальной крыши.

Войдя в дом, я потрясенно ахнула. Я не заходила сюда несколько дней, и за это время изменилось многое. Комнаты были полностью готовы; стены обшиты деревом разных пород и цветов: в гостиной — коричнево-золотистым, в спальне и детской — молочно-светлым. Лишь кухню обмазали саманом и оштукатурили.

Светло-голубой камин выступал из стены ровно посреди гостиной на полметра, не больше. Пол возле камина покрыли листовой медью, красиво сливавшейся с темным золотом деревянного пола, еще не покрытого лаком.

— Вот это да! — выдохнула я, восхищаясь изумительным сочетанием голубого и медово-медного. — Это кто придумал, ты, Андрей?

— Нет, не я, — засмеялся мастер. — Это Федор. Очень уж хотелось ему голубой с медью соединить. Сказал, как небо и земля будет в хате...

В его тоне мне послышалось легкое недовольство.

— А тебе что, не нравится?

— Нравится. Но я бы печь сделал другого цвета.

— Какого?

— Белого — лучше всего. Или охрой, или корридой...

— Корридой — это как?

— Такого... пламенного цвета. Как плащ тореадора. Печь должна быть в теплых тонах. Стихия ее — огонь и земля. Но такой голубой тоже нормально. Здесь цвет не водной стихии, а скорее, воздуха, неба. Огню воздух нужен...

— А вот Алексей Петрович почему-то называет стихии — уборами...

— А-а, — Андрей качнул головой, — ну, это потому что в прежние времена каждое место силы убиралось в определенные цвета, которые соответствовали токам, энергиям, сквозь эти места проходящим. Вот и пошло оттуда — убор.

— Да, про места силы он говорил. Только про энергии мало рассказывал, все к тебе отсылал, мол, Андрей все знает, он научит. А ты мне про это — ни словечка!

— А ты разве спрашивала? — недоуменно расхохотался Андрей.

— Не спрашивала, потому что ты занят был! А теперь — спрашиваю: расскажи! — и тоже залилась смехом.

— Расскажу. Потом, — смех внезапно смолк. — Сейчас пошли-ка на хутор, а то Вовка мне точно отвесит за ночные гулюшки с тобой.

И правда — мы сидели в сплошной тягучей медовой мгле, изредка освещаемой вспышками молний. Стемнело уже совсем.

Назавтра ровно в полдень в доме собрались хозяева, мы с Володей и мастер Андрей. На медном полу перед камином находилась кадка, полная дров, и дымилась рядом жаровня с ладаном. В жерле камина высились, сложенные крест-накрест, поленья. На каминной полке стояли два образа — Спас и Неопалимая Купина. Андрей опустился на колени, мы все застыли в почтительном молчании. Какое-то время он стоял, опустив голову и воздев к небу руки; в тишине было слышно лишь потрескивание углей в жаровне и глубокое дыхание мастера. Наконец, отдаваясь в дубовой пустоте дома, послышался глубокий напевный баритон:

[цитата]

Боже вечный, иже семи семерицею разжженную печь и пламень иже в Вавилоне на росу преложил еси, и вверженные в ней от царя Навуходоносора святые три отроки Ананию, Азарию и Мисаила целы сохранивый, сам благослови и печь сию великия ради Твоея Милости. И благослови в ней дела рук рабов Твоих, и благопоспеси их благодеянием Твоим, и исправи их по множеству щедрот Твоих молитвами Пречистыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии силою Честного и Животворящего Креста, предстательством превеликих чиновачальников Михаила и Гавриила и всех небесных сил бесплотных, честного и славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, святых славных и всехвальных апостол, святого священномученика Киприана иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мирликийского чудотворца и всех святых. Аминь.

[конец цитаты]

Мастер перекрестился и продолжил:

[цитата]

Пресвятая и Препоблагословенная Мати Сладчайшаго Господа нашего Иисуса Христа! Припадаем и поклоняемся Тебе пред святою и пречистою иконою Твоею, еюже дивная и преславная чудеса содеваеши, от огненного запаления и молниеноснаго грома жилища наша спасаеши, недужныя исцеляеши и всяко благое прошение наше во благо исполняеши. В купине, огнем горящей и несгораемой, показавый Моисеови Пречистую Твою Матерь, Христе Боже, огонь Божества неопальне во чреве приемшую и нетленну по рождестве пребывшую. Тоя молитвами от пламене страстей избави нас, и от огненных запалений жило сие сохрани, яко Многомилостив.

Во огни купины неопалимая, древле Моисеем виденная, тайну воплощения Своего от Неискусобрачныя Девы Марии прообразовавый. Той и ныне, яко чудес Творец и всея твари Создатель, икону Ея святую чудесы многими прослави, даровав ю верным во исцеление недугом и в защищение от огненного запаления. Сего ради вопием Препоблагословенней: Надеждо христиан, от лютых бед, огня и грома избави на Тя уповающия, и спаси души наша, яко Милосерда.

Предочистим чувства душ и телес наших, да видим таинство Божественное, образно явленное древле великому во пророцех Моисею купиною, горевшею огнем и не сгоравшею, в нейже Твоего безсеменнаго Рождества, Богородице, предвозвещение исповедуем и, благоговейно поклоняющесе Тебе и Рождшемуся от Тебе Спасу нашему, со страхом вопием: радуйся, Владычице, Покрове, и Прибежище, и Спасение душ наших. Аминь.

[конец цитаты]

Мастер закончил молитву, перекрестился, запалил от жаровни лучину, подsunул ее куда-то внутрь поленницы. Пламя схватилось мгновенно, печь ожила, тихонечко загудела, осветилась оранжевым.

Андрей поднялся и обернулся к нам. Лицо его было полно ангельского блаженного света, глаза горели, губы сияли светлой, детской улыбкой...

После обеда Андрей взял меня под локоть, повел в дом.

— Ну что, — сверкнул он глазами, — будем учиться дальше?

— Будем! — кивнула я.

Мы обошли все пространство дома, останавливаясь в каждой комнате для коротенькой «лекции».

— Здесь — горница, или гостиная, — говорил мне Андрей. — Здесь жило — печь и горний мир — Стодарник — вместе встречаются, ты это помнишь. Стодарник глядит на полдень, сторона его — юго-восток. Им владеют стихии смешанные — дерево, принадлежащее Востоку, и огонь, обозначающий Юг. Два окна: восточное, справа от него, и южное — слева — тяготеют к энергии Стодарника, поэтому окна эти — святые. В святые окна рассказывают добрые сны, чтобы сбылись, и молятся на Крещение (в Крещение небо отверзается, и молитвы прямо в небо летят); а еще — в особых случаях, в беде или в радости. Окна вокруг Стодарника загромождать ничем нельзя: свет должен проникать в них беспрепятственно. Занавешивать их лучше чем-то прозрачным — тюлем или органзой. Окна южные тоже стоит держать свободными, но здесь у нас, на Юге, мы их занавешиваем плотно, особенно летом, иначе в хате жарко будет, а летом дом обязан прохладу хранить.

Андрей перешел в комнату, расположенную в восточном углу.

— Детская комната. Сторона — восток. Дети знаменуют собой начало жизни, а Восток — начало дня, потому энергия у них суть одинаковая. Это энергия роста, начала, познания. Стихия этой энергии — дерево. Окно в детской — утреннее, в него свет раньше всех других окошек попадает. Тут же, в детской, и северо-восточный угол дома — направление развития, учебы, познания.

Мы вышли из детской и, пройдя через горницу, оказались в спальне.

— Спальня. Сторона северная, бахмутная, глухая. По всей стенке северной всего два окошка — тут и в ванной. Заметила, что в детской северного окошка нет? Чтобы не сквозило ребенку по зиме...

Север — ночь земли, стихия его — океан, вода, но вода не быстрая. Токи тут не явленные, а скрытые, как глубоководное течение, и такие же медленные и тягучие. Здесь царит энергия покоя, сосредоточения, Духа. А еще — энергия сексуальности и чувственности, потому и спальню лучше всего делать в северной части дома.

Андрей как-то невесело вздохнул и быстро проговорил:

— Ну, жилое посмотрели, пойдем глядеть хозяйственное.

Оштукатуренная, но не побеленная кухня после радостных тонов жилых комнат показалось мне какой-то серой и неуютной.

— Ничего, — подбодрил меня Андрей. — Вот выбелят кухню, будет светлая и радостная. В кухне два окна: южное и западное. Энергия Юга — жизнь, творчество, энергия запада — бережливость, хозяйственность. Тут и второй очаг будет — плита газовая. В печах у нас уже давно не готовят... Здесь и кладовочка для припасов, так что видишь — все по уму, все соответственно энергиям.

Стены прихожей были наполовину обиты вагонкой цвета соломы.

— Прихожая — сторона западная. Здесь же, с западной стороны, располагается вход, потому что Запад несет энергию богатства, благополучия, целостности. Стихия энергии запада — металл. В северо-западном углу — ванная комната, и это тоже не случайно: энергия здесь имеет свойства очищения, обновления — духовного и телесного.

— Но, — опередил мой вопрос Андрей, — в этом доме мы видим ситуацию идеальную, когда комнаты располагаются соответственно токам, которые несут стороны света. А тебе ведь надо понять, как в твоей квартире токи расположить, чтобы со всяким местом они в гармонии находились.

Я часто закивала головой в знак согласия.

— Природные места силы тебе перенести на нужное место никак не удастся, а поэтому надо научиться использовать энергию мест влияния.

— Что это за места влияния? И чем они от мест силы отличаются?

— Места силы тебе природой даны, а от того, как дом поставлен, зависит их в квартире местонахождение. Места влияния — творенные, ты в них сама создаешь нужные тебе токи. Где спишь — одни, где работаешь — другие, где кушаешь — третьи.

Мы вернулись в гостиную.

— Юг — самая сильная сторона в доме. Юг — царственный, Юг — благодатный, Юг — обетованный, предки наши считали Юг стороной богоизбранной, и даже в молитвах поминали: Бог — от Юга. И верно: по южной стороне солнышко днем идет, а солнечный свет необходим для всякого существа живого. Энергия юга хороша для творчества, для общения, для любой жизненной активности. Такая энергия, безусловно, должна быть в гостиной. Но гостиная не всегда комната южная, и что же нам с этим делать?

— Что делать? — эхом повторила я.

— Наполнять гостиную южными токами! В первую очередь усиливаем окна — стихией огня, присущего югу, и гармоничной ей стихией — деревом, потому что деревом огонь питается. Окна в гостиной окрашивать надо в тона теплые, солнечные или древесные. Занавески — обязательно светлых и теплых тонов. На окошки хорошо поставить растения южные, светолюбивые, пышно и ярко цветущие — розы, азалии... Но уже и ухаживать за такими цветами нужно бережно! Не хватает солнца в окне — значит, сверху повесь лампу дневного света. Южный цветок тогда только силу юга давать начнет, когда расти и цвести ему будет комфортно и светло. И вообще, гостиная должна быть хорошо освещена, источников света в ней, чем больше, тем лучше. Люстра наверху, светильники по стенам, или бра. И непременно — свечи, их в гостиной следует каждый вечер зажигать.

Глаза мастера зажглись и он негромко, проникновенно сказал:

— Еще есть в Спасе тайная в практика, с помощью которой дом можно солнечной энергией наполнить и зарядить. Очень сильная практика, проводят ее не чаще, чем один раз в три месяца, а то и реже: энергии этой хватает надолго. Первые дни после этого воздух в комнате солнцем так и дышит, а люди, побывавшие в помещении, где практику провели, заряжаются силой и здоровьем. Пиши и запоминай...

Я достала тетрадь и под мерную диктовку записала практику.

— Следующая сторона — Восток. Это, как ты помнишь, сторона начала, утра жизни. Всякая детская комната содержит в себе потенциальную энергию Востока, но токи восточные в ней надо усиливать и постоянно укреплять. На окошко в детской следует цветов побольше ставить, и только те, что хорошо растут и вьются. Особенно хорошо для детской виноградное дерево, как прообраз Бога Растущего...

— Виноград — прообраз Бога?!

— Ну да... — Андрея как будто удивила моя неосведомленность. — Виноградная лоза в христианстве один из самых известных символов. Виноград символизирует и Христа, как плод на виноградной ветви, и Божью Матерь, как саму ветвь, этот плод рождающий. Поэтому для детской комнаты, детского угла виноградное дерево — самое подходящее растение. Оно не только силу токов восточных несет, но еще и от нечистого дитя хранить будет, потому что лист у него связан с Иисусовым Крестом Животворящим. А как ставить будешь, молитву прочитай Богородичную особую:

[цитата]

Богородице, Ты еси лоза истинная, возрадившая нам плод животный, Тебе молимся: молися, Владычице, со святыми апостолами, помиловатися душам нашим.

[конец цитаты]

Эта молитва на рост, на здоровье направлена. Где что растет, что начинается, хорошо ту молитву прочесть.

Андрей помолчал.

— Спальня, — сосредоточенно промолвил он минуту спустя. — В спальню привлекать надо энергии севера, неторопливые, убаюкивающие. Окно в спальне завешивается полностью, до самого пола, ткань для занавесок берется тяжелая и прохладная — плотный шелк, атлас. Цвета для спальни выбирай холодные, хотя и не очень темные. Растения в спальне должны стоять такие, что света и тепла требуют немного, а соки в них текут не быстро. К таким растениям относятся алоэ и каланхоэ. А больше всего для усиления токов северных подходит кипарис дерево. На нем Христова колыбель была, кипарис — богова постель. Если спишь плохо, часто кошмары снятся — над изголовьем крестик кипарисовый повесь, тогда спать будешь как младенец, глубоко и безмятежно... Кровать должна изголовьем на Север всегда стоять, ты это наверняка слышала. Не всегда так получается, и тогда в изголовье кипарисовых либо можжевельных веток настелить нужно. По углам кровати четки повесь того же дерева. Но можжевельник бери обычный, реликтовый не используй: запах его мечтания навеивает, сон тревожный будет.

— Запад, — продолжал мастер. — Запад это накопление, деньги, всякая деятельность, связанная с деловой активностью. Там, где занимаешься делами, хранишь деньги или деловые бумаги, есть энергия запада. Здесь лучше против токов природных не идти: где в доме западная стенка или угол, там и устраивать "деловое место". Там же стоит и деньги хранить, и золотые украшения. Но ни в коем случае не клади деньги на восточную сторону! Тогда у тебя их никогда не будет... Энергию Запада укреплять надо стихиями земли и дерева. И, конечно же, металла, но только в сочетании с предыдущими двумя. Модный ныне способ — заводить в доме денежное дерево — нашим предками был известен давно. Но этот цветок — хитрый: чувствует, в каком доме деньги водиться будут, а в каком нет. Так что придется его убаюкать: поверх земли угольков насыпать (уголь воздух, в землю проходящий, очищает, и влагу удерживает, а также токи земли укрепляет) и монетку под горшок положить, обмануть растение, показать ему: есть у тебя деньги...

— А другие направления?

— Другие направления столь выраженными свойствами энергий не обладают, они тяготеют к тем сторонам света, токи которых в них смешаны.

— А теперь, Дарья, — в глазах Андрея зажегся таинственный огонек, — самое главное. Токи, энергии, стороны света — все это, безусловно, важно, значительно и на самом деле способно изменить атмосферу в доме в лучшую сторону. Но не стоит всерьез думать, что местоположение кровати, освещенность окна или направление входа может улучшить твою жизнь.

— Как? — я ничего не понимала. — Целый месяц то Алексей Петрович, то ты, — убеждали меня в том, что в доме все должно быть согласно этим токам, и вдруг ты говоришь, что все это не так уж и важно?

— Важно — для тех, у кого бытие определяет сознание. Но человек, идущий путем Спаса, должен понимать: сильнее всего влияет на окружающее его пространство он сам. Все внешнее, материальное обустройство — только помощь Сознанию, от которого, в конечном счете, и зависит Бытие. Потому во внешнем исходить надо из понимания того, как оно помогает внутреннему. Ты никогда не задумывалась над тем, почему порой бывает так холодно и неудобно в так называемых авторских интерьерах, хотя, казалось бы, дизайнеры создают их со вкусом и стилем?

— Задумывалась... Я бывала в таких домах. Почти во всех действительно очень уютно. У меня даже есть знакомые, которые потратили кругленькую сумму на модного дизайнера, а потом, пожив в таком интерьере всего две недели, перестроили все и вернулись к прежней обстановке.

— А ты замечала, что во всех здешних домах — пусть и небогато, но очень уютно?

— И это замечала. Особенно у Домны Федоровны и Алексея Петровича.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Честно говоря, не знаю... Может быть, в доме чем проще, тем лучше?

— Простота обстановки не делает уюта. В действительности так происходит потому, что люди здесь все еще живут традиционными ценностями, то есть, они используют опыт предков — практичный, мудрый опыт, который подсказывает им, что мера вещей — внутренняя гармония. Чтобы достичь этой внутренней гармонии, не нужно быть знатоком стиля. Нужно просто знать некие законы, влияющие на твое подсознание. В обстановке жилища тоже есть такие законы.

— И какие же это законы?

— Символ и цвет. Именно за них "цепляется" глаз и передает информацию в подсознание. Правильно использованные цвета и символы могут самую недружественную обстановку сделать гармоничной для восприятия.

Я слушала его в оцепенении. Как археолог, я знала: на изучение языка символов и цвета можно потратить полжизни, если только это знание не впиталось с молоком матери.

Андрей угадал мои мысли:

— Да, Дашенька, это сложная наука. Но — ты помнишь: дорогу осилит идущий! Глубоко вникать в цвета и символы ты будешь всю жизнь. Но пользоваться тем знанием, которое создано и уложено в стройную систему, ты можешь, начиная хоть с завтрашнего дня!

— Да где же мне найти эту систему?

Андрей наклонился и на ушко мне заговорщицки шепнул:

— В своей тетрадке, — и открыл чистую страницу.

[дневник]

[3]Ритуал "Призывание солнца"

Ритуал должен проводиться ровно в полдень. Комнату хорошенько вымыть и убрать все лишнее. Если на полу лежит дорожка или ковер, свернуть, чтобы остался голый пол. В энергетическом центре комнаты ставятся крест-накрест 12 небольших освященных свечей по сторонам света. Окна освободить от любых предметов, занавески раздвинуть, а лучше — снять. Свечи зажечь, включить все имеющееся в комнате освещение. В керамической либо металлической чашке устроить жаровню с горящим углем (такой уголь продается в церковных лавках), на угли кинуть несколько горошин ладана. Держа в руках жаровню с ладаном, обходить против часовой стрелки крест из свечей, читая 12 раз молитву Христу Трисолнечному:

Свет сый Незаходим Христе, Трисянен и Трисолнечный, единоначален и Самодержавен, Простейший, Бог Непостижимый и Самодержавен Господь, ныне сердце мое озари, и покажи светозарно и светоносно пети тя и славити во вся веки. Аминь.

По окончании ритуала свечи не тушить, а дать им догореть на том же месте. Воск от этих свечей может использоваться как оберег в путешествиях и важных предприятиях.

Ритуал выполнять не чаще одного раза в три месяца.

[конец дневника]

[1]Глава 7

[1]Свой шесток

"И это пройдет" — было начертано на драгоценном перстне библейского царя Соломона, и слова эти мудрейший из мудрейших полагал за единственную в мире непреложную истину. Но люди редко слушают мудрецов, оттого так нещадно отдаются они печалям и так безрассудно бросаются радостью, словно имеющееся у них сейчас дано им на века. Спит мир, и кажется, что ночь будет длиться вечно, но тьма вдруг отступает, Бог Солнца возвещает о себе проросшим рассветом, и вот уже несется над землей его сияющая колесница, повсюду разбрызгивая свой животворящий блеск. Радуется все живущее в мире, готовое прославлять бесконечный бег солнца в небесной вышине... но даже солнцу нужен отдых, и день, повиснув на горизонте золотой каплей, растворяется во тьме.

Все в мире кончается! Кончилось и наше удивительное путешествие на маленький хутор на Среднем Дону, в междуречье Маныча и Егорлыка. В начале августа мы с Володей вернулись в Питер. Всякий конец несет в себе зародыш нового начала; не успели еще остыть впечатления от этой поездки, как снова начались преддорожные хлопоты: мне надо было собрать мужа в Европу, ему — подготовиться морально самому и оформить разработки, которые он планировал взять с собой. Только проводила я Володю, как стала собираться сама: со второй половины августа начинался очередной период раскопок "проклятого" кургана.

Прибыть на место раскопок мне нужно было к 20 августа, но я решила приехать на пару дней пораньше, чтобы свободно пообщаться с Домной Федоровной. В глубине души теплилась тайная надежда — может быть, я еще застану там мастера Андрея?..

К моему разочарованию, Андрея на хуторе я не увидела. Как не увидела и рабочих: все строительные работы были завершены, неоконченными остались лишь кое-какие детали внешней отделки, а с этим Федор и Алексей Петрович вполне могли справиться самостоятельно. После июльской людской суеты мне показалось, что сейчас здесь слишком спокойно и непривычно пусто. Движение, царившее на хуторе с утра до вечера, остановилось, менявшийся с каждым днем облик строящегося дома приобрел свой окончательный вид. И вид этот был чудесен. На месте прежней стройки красовалось новое подворье. Стройматериалы убрали, двор со стороны входа выложили тротуарной плиткой, со стороны гаража (будущего — его строительство Федор отложил на следующий год) залили бетоном. На базу, расположенном с северной стороны дома, вырыли колодец — его белое бетонное кольцо под двускатной металлической крышей возвышалось в центре внутреннего двора, словно маленькая часовенка. Свободное пространство засадили молодыми деревьями — грецким орехом и рябиной, а под окнами уже принялась сирень и жимолость. Крыльцо покрасили светлым, ступеньки выложили природным камнем; одели

"порожки" в изумительные по своей красоте и изяществу кованые перила, вход венчал кованный же козырек. Перила и козырек Федор покрыл серебрянкой (в ином случае это показалось бы лишним, но здесь витые края козырька красиво перетекали в резной конек, сделанный из просечного оцинкованного железа: серебро сливалось с серебром). Сам дом уже оштукатурили и густо выбелили известью с добавлением синьки, окна и ставни выкрасили в нежнейший сапфировый цвет. Общий вид дома был необычайно легок и воздушен; подходя к нему издали, вы бы наверняка подумали, что это небольшое облако спустилось и прилегло отдохнуть в долине, вперив в чистое небо ясные голубые глаза. Внутреннее пространство жилища тоже изменилось. Кухню побелили, установили там плиту и мойку, отделали ванную комнату, подвели воду и электричество. В комнатах отполировали и покрыли корабельным лаком полы; окна, голубые снаружи, внутри дома красить не стали, оставив гармонирующий с деревянными стенами природный цвет. В Святом углу уже прибили полочку для образов, но ни одной иконы пока не было на Стодарнике. Не привезли еще и мебель, однако дом не вызывал чувства пустоты: он был наполнен и напоен светом, теплом, уютом и... жилым. Впервые войдя в него, я ощутила со всей остротой свое одиночество и неприкаянность в этом мире, и до того захотелось мне войти когда-нибудь в такой же светлый, теплый и уютный, но — свой Дом. И снова жить как в детстве — зная, что где бы я ни бегала, какие бы приключения не захватывали меня, я всегда могу вернуться в Дом, где ждут и любят именно меня, где я могу спрятаться от пустоты и холода этого громадного мира... Увы! Такого дома у меня не было, и быть, по-видимому, не могло. Наша с Володей квартира мной всегда воспринималась как временное прибежище, некий блиндаж, куда мы возвращаемся после дневных боев и, перекусив и вкратце рассказав о победах или поражениях на обоих фронтах, ложимся спать, чтобы днем вновь ринуться в битву. Дом как перевалочный пункт, как место, где можно лишь приклонить голову, и не более того. Впрочем, устроить нормальное человеческое жилище из нашей квартиры нам бы не удалось при всем желании. Кухня и гостиная общей площадью в тридцать квадратных метров — не слишком-то большое пространство для маневра. Единственную комнату сплошь занимают книги — на полках, стеллажах, столах, стульях и даже на полу. Между ними кое-как втиснут компьютер (при объемах наших с Володей работ одного компьютера нам не хватает, но купить второй нет возможности — некуда ставить). Личным вещам в комнате места не осталось, вся одежда — в прихожей, в огромном шкафу-купе, загородившем входное пространство так, что нам вдвоем уже там не поместиться. Квартиру эту получил Володя в самом начале своей карьеры, еще в самые ранние постсоветские времена. Его институт, когда-то гремевший на всю страну, был настолько заинтересован в талантливом аспиранте, что ему (из бог весть какими судьбами сохранившихся фондов) выделили квартиру. Тогда это казалось настоящим чудом, и нам, только поженившимся, больше было не о чем мечтать: мы жили одни, отдельно от всех и никто не стал свидетелем нашей непростой притирки друг к другу в первые годы супружества. Много лет квартира полностью устраивала и меня, и Володю; книги копились, слишком широкую кровать мы сменили на раздвижной диван, загнав себя в самый угол, чтобы дать больше места ее величеству Науке. Мы часто ездили, много работали, дома практически не бывали, а если и случалось кому-либо из нас сидеть дома, то и это время мы тратили на работу, корпя над научной статьей или диссертацией. Соратники в вечной битве, мы, в общем-то, были счастливы и без "палат каменных". Но сейчас, стоя в новом доме Федора, вдыхая сосновый запах лака, ощущая под босыми ногами гладкое, дышащее живым теплом дерево, я почувствовала, что мне до боли не хочется возвращаться в тесный блиндаж, где людям, в сущности, и нет места... Мысли эти до того расстроили меня, что ночь я не спала, разрываясь между любовью к работе, к путешествиям и тоской по Дому — светлому, просторному, справному.

На следующий день начались раскопки. Я, зная во всех подробностях "тайны" кургана, сразу стала негласным руководителем экспедиции. Это не слишком понравилось ученым из Академии Наук, и через три дня меня вежливо поблагодарили и сказали, что я могу быть свободна, а если понадобится, за мной пришлют. Свободные дни, разумеется, будут тоже оформлены как командировка, так что формальности меня волновать не должны. Это практически отстранение от раскопочных работ меня так обрадовало, что я не только не обиделась на "академиков", но была им до ужаса благодарна: еще бы! Десять дней на Калитвинском хуторе — какой подарок мог обрадовать меня больше?

В ближайшее воскресенье Калитвины всей семьей отправились в станичную церковь, я — свободный ныне человек — с ними. Отстояв воскресную обедню, мы пешком вернулись на хутор, а Федор на "Газели" привез станичного батюшку отца Серафима — невысокого худощавого старика с совершенно белой окладистой бородой и лучистыми детскими глазами. Алексей Петрович и Домна Федоровна внесли в новый дом две старинных иконы: Спаса и Богородицу, установили их на Стодарник. Отец Серафим начал служить молебен, освящающий дом. Образ Спаса стоял без оклада, в простой латунной рамке, сделанной, по всей видимости, совсем недавно. Но сам образ был действительно очень старым: лик Спасителя писан в ранней, еще византийской, манере, краски потемнели, так что лик едва различался; только черные зрачки светились глухим, древним, почти языческим светом. Образ Богородицы, напротив, был красочен, ясен и наряжен. Никогда прежде я не видала этого образа: Божья мать была изображена на светящемся изнутри лазурном поле, в окружении золотых звезд. Под образом помещен серебряный полумесяц, и над ним Пречистая Дева смотрелась, словно юная девушка у окошка... Персиково-розовые, словно сотканые из света, руки, сложенные на груди, голова наклонена чуть вправо, взгляд опущен вниз, нежное девичье лицо тихо улыбается какой-то своей неведомой тайне. Этот образ поразил меня как чистотой и яркостью красок с преобладанием золотого и лазурного, так и тем, что Богородица была на нем без Христа-младенца.

Вечером я вернулась в дом, чтобы получше разглядеть удивительный образ. Лик Божьей Матери снова поразил меня, но в этот раз показалось, что улыбается она, скорее, сочувственно, и сочувствие ее адресовано именно мне. Чем больше я вглядывалась в образ, тем больше убеждалась, что икона эта — живая. Хотя очи Богородицы были прикрыты веками, внутренний взор ее, без всяких сомнений, был направлен прямо в мое сердце. На глаза у меня навернулись слезы...

— Божья Мать Остробрамская. — раздался негромкий голос у меня за спиной.

— Никогда не видала такого, — я повернулась к Алексею Петровичу.

— Да, то образ редкий. Не всяк ее знает, а икона эта душевная. Прямо в душу смотрит человеку Мать Милосердная. С какой болью или радостью к ней подойдешь — она поймет, и примет, и утешит.

— Странно, что она без младенца-Христа на руках.

— Это оттого, доня, что тут Мария — девушка еще. Вишь, личико юное, детское почти? Она только предчувствует радость свою божественную, ожидает свершение великое. В иконе этой велик задел на будущее, для всякого начала она плодотворную силу имеет. В ней — бесконечная даль жизненная... Молодоженам как раз на счастье. А как родит жена Федорова, так третий образ тут поставим — тоже Богородицу, только уж с дитем. И будет у них в дому и вечный задел, и доброе свершение.

За обедом я почти ничего не ела, к ужину аппетит тоже не появился. Знахарка как будто ничего не заметила, но перед сном зашла ко мне и спросила, что со мной происходит. Я поведала ей причину моей грусти.

— Ох, доня, — бережно протянула она, — сама не знаешь ты, об чем томишься. Коль нужда стала в хорошем да ладном доме, так и даст тебе Спас, ты только работай...

— Милая Домна Федоровна! — заботливость моей доброй хозяйки растрогала меня до слез. — Работай не работай, а мы с Вовкой — сами знаете — не бизнесмены. Я копейки получаю в своем Институте, хорошо у Володи гранты есть, да поездки заграничные. Нам-то хватает, но чтоб квартиру купить, мечтать не приходится.

— Дашунь, — Домна Федоровна поглядела на меня ласково-хитро. — А ну как из вашей квартиры сделать уютное гнездышко?

— Ох, тетя Домна! — в сердцах воскликнула я. — Вы же видели: нам уют устраивать не из чего... Книжки, книжки... Тогда мы с Вами переставили мебель — дышать стало легче, но проблема-то не решена. Уюта нет, домашности. Жила нету...

— Ну, про жило ты кое-что уже знаешь, — вкрадчиво промолвила знахарка. — Вот и попробовала бы сначала знания эти применить, а потом канючить.

— Я попробую, конечно, честно попробую! Но книжки — не выбросишь, площадь — не раздвинешь. Это будет освященное пространство, но такое же тесное. А мне простора для жизни хочется, чтобы дом домом был...

— А кто дом — домом делает, как не ты?

— В таком маленьком пространстве?

— Так, донюшка, — в голосе знахарки послышались грозные нотки. — Чую я, не восприняла ты ни Алексееву, ни Андрееву науку.

Я с испугом посмотрела на нее.

— Сама-то ты — что сделала, чтобы дом свой заполучить? Работала допоздна да в поездках пропадала?

— Ну так и Володя допоздна и в поездках... — пролепетала я.

— Так то — мужик! Мужик — на то и мужик, чтоб в походе быть. А женщина — она в дому только и женщина. Тобой дом держаться должен! У нас, казаков, говорят — казак да конь — в походе, баба да кошка — в хате. Вот это правильно, это ладно!

— Но у меня наука... карьера... — пыталась оправдаться я.

— Доня, скажи честно: наука твоя тебе нравится?

— Нравится, конечно! — тут я была искренна.

— Ну хорошо. А вот скажи мне еще — такой ли ты в ней специалист, чтобы без тебя наука та обойтись не могла? Что-то не шибко ты расстроилась, когда тебя с кургана погнали.

Я залилась румянцем.

— Я не расстроилась, потому что вы здесь...

— Так я тебе скажу: не будь меня, ты бы и то не расстроилась. А все потому, что наука твоя тебя радовать перестала. Другое тебе нужно, донюшка, другое.

— Какое?

— Женское. Вот скажи мне, — проникновенно сказала она. — Вы с Владимиром о дитёнке-то не задумывались? Тебе сколько, тридцать один? А ему?

— Тридцать шесть. Задумывались...

— И что?

— Ну так, опять же — куда его рожать-то... Самим жить негде.

— Вот так вот, — зрочки ее глаз странно зазолотились. — Негде! И будет негде, — резко сказала она, — если ты не вспомнишь женское свое предназначение!

— Я хочу вспомнить... только... с чего начать, тетя Домна?

— С любви, доня, — смягчилась она. — Все в мире этом начинается с любви. Вот и начинай потихоньку любить.

— Володю? — удивилась я. — Да я и так люблю его...

— Володю любить — хорошо. Ты дом свой любить начни, как-никак, а это — *твой* шесток, и другого нету. Помнишь, в начале лета я тебе говорила — дом без жила не стоит?

— Помню.

— А жило без любви в доме не появится. Вот и люби его, свой шесток, свои эти тридцать квадратов. С малого начни.

— А если так... практически, то с чего малого можно начать?

— Если практически — то с чистоты.

— ???

— Ты в неделю сколько раз в дому прибираешься?

— Один. Да нам больше и не надо, у нас пыли мало, беспорядка тоже нет, вещи не валяются, постель мы застилаем.

— Пыли мало? А под диваном да за шкафами ты давно ту пыль глядела?

— Давно, — честно призналась я.

— То-то же. Пыль — главный противник твой в дому. В пыли нечистик живет. Мало, что дышишь ты ею, мало, что сон она твой отравляет, так еще и токи задерживает, застаивает. Запомни, доня: пыль с-под дивана и со всех углов потайных надобедь дважды в неделю с водой вымывать! Непременно с водой: водичка, она энергию обновляет. А поверхи — так и вообще каждый день. Встала утром, себя умыла — и дом свой оберла. Малая жилплощадь, это ж благо! Не надо сил на уборку тратить больших. С утра тряпичкой прошлась, будто перед Богом душу облегчила. На вашу-то квартирку с четверть часа уйдет, не боле.

— Дальше идем, — простые ее слова для меня звучали настоящим откровением. — Беспорядка, говоришь, нету у тебя? Не знаю, что ты называешь беспорядком, а по мне всякая вещь, не на месте лежащая, уже беспорядок. Книжки у тебя по всему дому разбросаны — это не беспорядок?

— Ну... мы же работаем с ними... — промямлила я.

— Беспереводно работаете? Сутки напролет?

— Нет.

— Вот то же, что и нет! Попользовалась книжкой, закладкой в нужном месте заложила и убрала! А на ночь так непременно! Какими чаще пользуешься — поближе, что не надо сейчас — подале. Вот и место освободится для токов жизненных. Только приучи себя всякий раз книжку убирать.

— Куда же убирать-то нам их?

— А я тебе скажу, куда. Над столом у тебя — целая стенка свободная. Вот где можно полку привесить! И шкаф книжный у тебя не до потолка — так продли его вверх, пусть уж всю стену и занимает! Туда вот книжки и уберешь.

У меня загорелись глаза.

— Точно! Если так вот... все стенки... до потолка... Это же сколько места освободится! И тумбочку можно будет у дивана поставить, и зеркало повесить...

— А спите вы сейчас как? Ровно собаки, в углу свернувшись. Да там, где диван у тебя стоит, целую спальню устроить можно! Стеллаж развернуть и отделить угол диванный от остального пространства... А

угол — как спаленку убрать, чтобы спалось вам там легко и покойно... Про ветки кипарисовые Андрей говорил тебе?

— Говорил.

— Я тебе с собой наложу. В диван, внутрь, в изголовье настелишь. Дерево тебе нужно, а то в квартире много слишком у тебя металла да синтетики. И диван из синтетики весь... Ты вот что — под матрац стели циновку натуральную. И такую же — на пол. Стенку стеллажную, что к постели обращена, тоже завесь циновкой. В изголовье повесишь знак Хлябей Небесных, из кипариса сделанный — это Федор изготовит, ты его попроси. Подушки набью тебе хмелем: спать на них не надо, положишь их — одну у стены, другую — между своей подушкой, и мужчиной. Хмель, он токи стабилизирует, а дух его покой навеивает. Ну, видишь теперь, как "блиндаж" твой в дом превратить? А ведь только по верхам прошлись.

— Вижу, — у меня захватило дух, воображение рисовало картины одну прекраснее другой.

— Но главное помещение в доме у тебя, куда жило привлечь можно — это кухня. На кухне-то у тебя нет ни компьютера, ни книг?

— Нет.

— А что ж тогда так неприютно там?

— Не знаю. Вроде убираю.

— Убирать — хорошо. Но недостаточно. Доня, ты ж хозяйка! А кухня у тебя — как в забегаловке — ничья. Входишь, и не видно — женщина тут живет, или нет никого.

— Ой, Домна Федоровна, вот что касается кухни, тут — хоть убейте! — ума не приложу, что изменить можно.

— Во-первых, лишнее все — убрать. Посуду — высохла — с сушилки — в шкаф. Жалюзи эти конторские с окна — снять. Повесь ты занавесочки нарядные, увидишь — сразу оживет кухонька. Табуретки голые стоят почему? Покрой их ковриками, смягчи углы! Стол непокрытый стоит — не ладно. Стол бесприменно накрыт должен быть! Голый стол — к нищете, к разладу. Скатерку застели, лучше натуральную, льняную. Не хочешь скатерку — хотя бы клеенку положи! На стол цветочки поставь сухие: они и токи нужные укрепят, и глаз порадуют, и воздух очистят. Да и окошки цветками убери, тут уже ставь живые.

— А какие цветы на кухне держать можно?

— На кухне лучше держать цветы полезные. Золотой ус заведи — дюжа справное растение. Им и лечиться будешь, и кухню он тебе от токов вредных очистит. Еще на окошко соли поставь наговоренной, лучше морской соли, от нее частицы живые, полезные в воздух выделяются. И солнцем она напитываться будет днем, а ночью токи солнечные в дом отдавать. Солью этой квартиру чистить будешь периодически, знаешь, как солью пространство чистят?

— Не знаю, конечно, откуда...

— На сковородку соли той насыплешь и на огне подогреть будешь. Как потемнеет — значит, очистилось помещение. Но уж соль отработанную выкинь, а лучше — смой, чтоб вода грязные токи унесла. Еще для чистки по стенкам лучок развешай, перчик острый в связке. Чтобы дух у тебя в кухне приятный, домашний был, специи душистые в мешочки малехонькие зашей и на шкафчики позакидывай. Воздух теплый, вверх подымаясь, будет масла эфирные из этих специй выгонять и дух давать теплый, аппетитный.

Я закрыла глаза и улыбнулась, уже ощущая этот ароматный дух.

— Ну, приободрилась?

— Да. Домна Федоровна, спасибо вам... Теперь я вижу, как квартиру домом сделать. Мне уже и жить в ней снова захотелось.

— Вот-вот, доня, правильно! Надо, чтобы жить в доме хотелось! Когда дом ты свой примешь и полюбишь, он тебя тоже полюбит и отпустит...

— Как — отпустит?

— В новое жилье, просторней и уютнее прежнего. А чтоб тебе домик любовью наполнить, давай-ка мы сейчас с тобой одну практику попробуем...

По слову ворожеи я села ровно, закрыла глаза, расслабилась. Какое-то время мне пришлось дышать глубоко, погружаясь сознанием в область сердца. Внутренним взором в обратном порядке я просмотрела сегодняшний день, вчерашний, прошлый месяц, полгода, год. Так крутила я стрелки часов моей жизни назад, в самое глубокое детство, затем начала обратный путь к дню сегодняшнему. Какие-то года я не помнила, какие-то видела ясно, будто происходило это вчера. Печальные моменты я пропускала, но мгновенья счастья вызывала из памяти и запечатлевала в сердце. Детское счастье — солнце, родительский дом, мы с отцом в зимнем лесу, белки по веткам роняют снег прямо на нас... Счастье юности — первая любовь, трепет надежд, бесстрашие перед будущим. Счастье познания, вдохновения, открытия — любимые книги, музыка, льющаяся в сердце, фильм, над которым — поплакать, посмеяться, влюбиться; наука, делящаяся с тобой прикровенным, счастье осознания, понимания, гордости за величие разума человеческого. Счастье взаимной любви... Ключ к этим моментам счастья — любовь; ключ любви, войдя в мое сердце, открыл в нем потайную дверцу, за которой — Свет. Свет этот захватил меня, вознес над миром, и я ощутила, как люблю его — Мир, люблю до последней капли... Я исполнилась благодарности ему за то, что он так полон всего, в чем я нуждаюсь. Я благословляла его за встречи и расставанья, за шум городов и тихую песню степей. Я вспоминала и впитывала в себя живые лица, приятные мне и отталкивающие, я знала — и друзья, и враги — все они часть Мира, часть меня, сотканы они из того же звездного вещества, что и все вокруг...

Из памяти прошлого всплыли строки:

[цитата]

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду! *

[конец цитаты]

[примечание]

* Отрывок из поэмы А.К. Толстого "Иоанн Дамаскин".

Я очнулась далеко за полночь. Мир дышал покоем и августовской ночной прохладой. Знахарки рядом со мной не было, да ее присутствие уже и не требовалось здесь: я получила ответы на все вопросы. Любить малое, любить и обустривать ближний круг — без этого как жить в большом мире? А любовь — она еще сильнее, чем вера: ее и пол-горчичного зерна достаточно, чтобы согреть весь мир...

[дневник]

[3]Медитация "Свет любви"

Выполняется для наполнения пространства любовью.

Сесть прямо, руки сложить на коленях. Расслабиться. Дышать глубоко и ритмично, с каждым вдохом погружаясь сознанием в солнечное сплетение. Вспомнить свой сегодняшний день, мысленно прокрутить его назад. То же самое — неделя, месяц, годы. Дойти до самого первого осознанного воспоминания и начать проживать свою жизнь заново, останавливаясь на самых счастливых моментах жизни. Их надо вызывать к памяти, запечатлевать в сознании, наполнять образы деталями. Чем больше будет таких воспоминаний, тем лучше. К концу медитации в области сердца появится теплый комочек света. Это свет любви. Глубоко вдыхая и выдыхая, на каждом выдохе этот свет надо посылать в пространство, говоря про себя: я люблю Мир, в котором живу, я люблю свой Дом и всех живущих в нем людей.

[конец дневника]

[1]Глава 8

[1]Убранство

Следующим утром на новом подворье вновь закипела жизнь: в двух грузовиках привезли мебель. Выгружать ее пошли Алексей Петрович и Федор; Домна Федоровна осталась заниматься хозяйством, и мне тоже она велела туда не ходить — дело то тяжелое, не бабье. Но любопытство так и распирало меня изнутри, и знахарка, видя это, отпустила: иди, посмотри, раз так уж невтерпеж. Я пулей вылетела из летней кухни и через две минуты уже стояла во дворе нового дома (в сторонке, чтоб никому не мешать) и наблюдала, как осторожно, словно хрусталь, выгружают из машин мебель. Ошарашено глядя на нее, я охала: с такой мебелью и в самом деле надо обращаться самым бережным и аккуратным образом. Дело в том, что привезенные шкафы, комоды, тумбочки, столы, стулья, столики были... антикварными. Более того — все эти вещи составляли один гарнитур, или, во всяком случае, были столь удачно подобраны под стиль и эпоху, что мне оставалось только гадать — где, в каком салоне удалось найти подобный комплект? В том, что мебель — антикварная, я не сомневалась ни секунды: уж кто-кто, а я, археолог, в древностях разбираюсь... Правда, вещи казались новыми, но лишь потому, что все они без исключения находились в превосходном состоянии. То, каким образом они могли так хорошо сохраниться до наших дней, составляло для меня еще одну тайну. По отдельности, может быть, я и приняла бы их за новодел, но никакой мастер-краснодеревщик в наше время не способен столь четко выдержать стиль и придать дух эпохи целому гарнитуру. О стоимости антиквариата я боялась даже задумываться, впрочем, и задумываться тут было нечего: обстановка целого дома примерно конца XIX века (но уж никак не позже первых годов XX!), в

великолепной сохранности, стоила целое состояние... Не в моих правилах заглядывать в чужой кошелек, но сейчас две мысли пришли мне в голову: первая — как глубоко ошибалась я, думая в самом начале строительства, что дом у Федора будет "небогатым"; вторая мысль — наверняка Калитвины отдали за эту мебель все свои жизненные накопления, а может, не обошлось и без наследства, оставленного многими поколениями зажиточной семьи. Как бы то ни было, свадебный подарок Федору был поистине царским.

Мебель сгрузили и поставили пока во дворе, так что я могла рассмотреть ее поближе. Я подошла к резному комоду на круглых точеных ножках; так и есть — XIX век, 1880-90-е годы, не позже. Красное дерево пропитано чем-то очень темным (так делали, чтобы подчеркнуть фактуру). То, что идеально сохранившаяся полировка — старинная, было видно на глаз и чувствовалось на ошупь. Остальные вещи принадлежали тем же годам, тому же стилю. Сомнений не осталось — это гарнитур. Скорее всего, Калитвиным посчастливилось приобрести обстановку какой-нибудь чудом сохранившейся донской дворянской усадьбы. Поверить в это, зная историю Дона XX века, было почти невозможно, но никакого другого объяснения я не находила. В полном недоумении я пошла на хутор, крепко задумавшись над тем, как мало я знаю об этой совершенно необычной семье.

— Ну, Дарья, понравилась тебе Федина новая мебель? — с улыбкой встретила меня знахарка.

— Понравилась — не то слово. Только, Домна Федоровна, не такая уж она и новая, — заметила я.

Домна Федоровна удивленно подняла брови. В глазах ее читался вопрос.

— Ну, — засмушалась я, — вещи-то, конечно, в отличнейшем состоянии, но ведь это антиквариат, а антикварная мебель новой не бывает.

Знахарка еще выше вздернула брови и неожиданно для меня громко расхохоталась.

— Ай да Дарья! Ты что ж, решила, что это старинная мебель? — смеялась хозяйка. — Небось еще подумала — музейная, чи с какой не разоренной до сих пор дворянской усадьбы!

Краска бросилась мне в лицо: знахарка, как всегда, прочитала все мои мысли.

— Нет, донечка, — сказала она, успокоившись, — это не антиквариат. Да и не принято у нас в новый дом старую мебель вносить. От своих еще можно, а от чужих людей ни в жисть не станем старье таскать.

— Но... откуда же? Сейчас такого не делают, — непонимающе протянула я.

— Не делают. На фабриках да в фирмах — не делают. А мастера есть, хоть и безвестные. Мебель ту изготовил по Федоровым рисункам Алексея Петровича троюродный брат, он на Верхнем Дону живет, аж под Воронежем.

— И сколько же ему времени понадобилось, чтобы сделать все это? — я не могла оправиться от второго за это утро потрясения.

— Ну вот считай сколько: в марте к нему Федя ездил. Пять месяцев с лишком. Да он не один же там мастер, их целая семья — ты ж видела.

— Так это ваши родственники привезли мебель?

— Ну...

Мне стало неудобно: а я ведь и не поздоровалась с мужчинами, грузившими мебель... Впрочем, им все равно было не до меня.

— Федор и сам вещички для дома делал в кузне у себя. Ты к нему не заходила, потому и не видела. Вот сегодня туда все перенесут, расставят, а завтра мы с тобой отправимся дом убирать. Времени у нас — два дня всего, ты ж помнишь: через субботу на следующую уже свадьба.

Пообедав, брат Алексея Петровича и два его сына уехали домой: поспеть надо к ночи, а гостевать некогда — работы дома невпроворот, да и все равно через неделю, на свадьбе, повидаются все родственники.

Едва рассвело, хозяйка подняла меня: "доспишь другой раз, доня, надо идти, дел — до самой ночи не управиться".

Во дворе своего дома Федор уже сгружал из "Газели" деревянные короба, расписной сундук, плетеные корзины, свернутый ковер. Быстро перетаскав их в дом, сын знахарки сказал "Бог в помощь!", поцеловал мать и уехал.

Мы остались с нею вдвоем и тут же стали разбирать короба. Там находились покрывала, скатерти, вязанные салфетки, тканые коврики, шторы, занавески. Хозяйка тут же разложила гладильную доску, включила утюг: перед тем как вешать и накрывать, все надо было хорошенько выгладить. Я с изумлением рассматривала вынутые из сундуков вещицы и не знала, чему больше удивляться: добротности ли тканей, богатству ли вышивки или необычайной яркости красок...

— Все это, конечно, должна невеста в дом привозить, — как бы оправдываясь, сказала знахарка. — Но девушка она у нас городская, порядкам не обучена, а ты ж сама понимаешь, в какую семью она замуж идет... Показать ей надобедь, как оно быть должно.

— Я знаю, в какую семью. Такую свекровь, как вы, и такого свекра, как Алексей Петрович, Бог дает только за какие-то особые заслуги, — совершенно серьезно произнесла я. — Думаю, что и Федор будет чудесным мужем... Завидую я вашей невестке белой завистью.

— Завидовать, доня, не надо никакой завистью — ни белой, ни черной, ни какого другого цвета. У каждого свое на роду написано. Тебе — одно счастье, Иринке (невесте Федоткиной) — другое. Думаешь, легко ей будет с нами? Знаешь ведь: у нас не тот закон, что в миру. По Спасу ей придется жить, а выйдет у нее — по Спасу?

Я качнула головой, молча соглашаясь с хозяйкой.

— Ну, не будем крушиться раньше времени. Свадьба — дело хорошее! На-ка вот, носи в детскую.

Знахарка подала мне выглаженные легкие шелковые занавески в алых и зеленых тонах с тонким черным рисунком.

— Это батик? — ахнула я.

— Да, батик. У нас вообще не вешают таких, это Федор в Азербайджан ездил пару лет назад, ковал там ограду, балкон и крыльцо одному местному "шейху", увидал у того в доме батик, загорелся. Нашел мастеров где-то, заказал себе — для светлой.

Мы повесили занавеску на восточное окно; Домна Федоровна задернула их, чтобы я смогла рассмотреть рисунок. Шелк, подсвеченный утренним солнышком, доходил почти до самого пола. Я замерла перед ним в восхищении. Над изумрудной, омытой росами, степью, вставал рассвет. Солнца не было видно, лишь вдалеке алел горизонт. Вверху, в сапфировой мгле, таяли последние звезды. Внизу колыхалась осока, вился степной вьюнок, просыпались тюльпаны. В алом свете зари стремительно кружились ласточки...

— Разве это занавеска? Это — искусство... — вырвалось у меня со вздохом.

— Зеленый — цвет востока, — объясняла знахарка. — Алый — цвет зари, начала жизни. Цветики, травки — знак роста, расцвета. Справный рисунок, и краски справные. В самый раз под эту комнату.

Рассветный шелк задал тон всей обстановке. В цвет ей мы раскатали ковер — розовый квадрат в салатной рамке. В углу у входа голубой полукруг камина перекликался с сапфировым небом в самом верху занавесок. Напротив окна встал шкаф, слева находилось угловое бюро и деревянный стул, обитый по спине и сиденью кожаными подушками (будущая жена Федора — учитель, и пока они не обзаведутся ребенком, здесь, в детской, будет ее рабочий кабинет). Направление угла, в котором стояло бюро — северо-восток, — сторона, благоприятная для ученых занятий, познания и умственного развития. Больше мебели в комнате не было.

— А больше и не надо пока, — пояснила Домна Федоровна. — Вот дите появится, тогда и обставят, как полагается.

Следующей на очереди была спальня. Здесь уже находился комод (восточный угол), трельяжный столик (западный угол), по западной же стене встал массивный шкаф на вычурных ножках, у камина стоял небольшой столик — дубовый овал на кованом основании и два невысоких кресла. Весь центр комнаты занимала широкая кровать; на ней лежал внушительных размеров матрас. Несмотря на его габариты, кровать казалась невесомой; такое впечатление создавалось за счет изящных спинок из кованого кружева.

Осмотревшись в спальне, мы с хозяйкой в первую очередь занялись окном. На это, северное окошко, мы повесили сначала легкую занавеску из сиренево-розовой органзы, поверх нее — шторы из фактурного небеленого льна с жемчужным отливом. С обеих сторон свешивались шелковые лиловые кисти; этими кистями я подвязала шторы, и в спальню заструился бледно-розовый свет; на него сразу же откликнулось розоватое дерево стен. Из такого же фактурного льна было изготовлено и покрывало кровати; края его украшал вышитый гладью растительный рисунок: лиловым — виноград, черным — листья, ветви и усы. Дуэт окна и кровати сразу же определил облик спальни. Жемчужно-лилово-розовые тона царили здесь: то были цвета, с одной стороны, холодные и успокаивающие, а с другой — чувственные и романтические. Две тканые дорожки (розовое, черное, серое, фиолетовое) придали комнате законченный вид. Домна Федоровна включила весь свет — проверить светильники (а их в комнате было четыре: по обеим сторонам от камина, над комодом и трельяжем). От восторга я захлопала в ладоши: в их мягком аметистовом свете лен покрывала и штор засиял драгоценным жемчужным блеском.

— Как вам удалось подобрать все эти замечательные вещицы в единый ансамбль? — спросила я.

— Придумала да сделала, — спокойно ответила Домна Федоровна, расправляя на креслах тканые, в тон половикам, накидки.

— Как... сделала?

— Руками, как еще.

— Пойдите... это что, все вы... шили, вышивали?

— Ну, я.

— А коврики?

— И коврики я наткала. А что ты рот раскрыла?

— Но это же... Сколько ж времени надо было потратить?

— Долго ли умеючи? — знахарка пожала плечами. — Разрезать да сшить, да гладью вышить — два вечера. Половики так вообще — забава, отдых. Стан у меня в сарае стоит...

— Но это потрясающе, Домна Федоровна! Это же просто шедевр!

— Это тебе, городской, шедевр. А у нас тут и за умение не почитается. Эка невидаль — баба шьет да ткёт!

— А цвета? Цвета вы сами подбирали?

— Цвета — с Федором советовались. Для северной комнаты, для спальни хорош синий, или голубой, или бирюзовый, или вот — серый. На нем и остановились.

— А лиловый?

— А лиловый уже в тон. Голубой можно было взять — под печку, но я подумала — голубой сильно баюкающий, а они ж ведь молодожены. Им надо что-то такое... амурное.

Цветовой тон горницы был изначально задан небесным колером камина и медовой медью пола и стен. Этот тон усиливал Стодарник (темная медь — лик Спасителя и золотая лазурь образа Богородицы). Мебель сливалась с темно-коричневым полом. В углу, под Стодарником, стоял широкий дубовый стол с ножками-колоннами, украшенными солярным орнаментом. Вокруг стола — шесть стульев, их резные спинки тоже были покрыты знаками солнца. Стол мы накрыли белоснежной льняной скатертью, отливавшей небесной голубизной (на Дону белые вещи принято подсинивать). Края скатерки знахарка вышила яркими цветиками: фиалки, незабудки, ноготки — красное, синее, зеленое, желтое, фиолетовое. На сиденья стульев мы разложили плетеные из разноцветных тряпочек коврики-солнца. Слева от восточного "святого" окна стояла горка с зеркальным задником (отчего горница казалась еще больше), но посуда в ней появится только после свадьбы; внутрь, на стеклянные полки мы просто настелили белые вязаные салфетки. Святые окна по сторонам от Стодарника убрали сеточным тюлем с красными петухами по краю. Этими легонькими занавесочками (едва доходившими до подоконника) Домна Федоровна гордилась больше, чем всем своим рукоделием:

— В Ростов на базар за ними ездила, — хвалилась она. — Видишь, тут и сеточка — свет беспрепятственно пропускает, и петухи по низу. А петух ведь — символ солнца!

Два остальных окна мы завесили точно таким же тюлем, а поверх — плотные занавески из отбеленного и подсиненного льна с мережкой по низу. Пространство между южными окнами занимали две грациозные этажерки, изготовленные Федором. Четыре витых прута держали рамки, на них лежали полированные доски; на прутьях и по краям рамок рука мастера вырастила виноградные листья и диковинные цветы, вершины прутьев украшали маленькие птички.

— Да у вас же семья настоящих художников! — не переставала я поражаться фантазии и мастерству.

Этажерки, как и горку, мы тоже лишь застелили вязаными салфетками: завтра будем расставлять цветы и всякую мелочь.

Западный угол наискосок пересекала П-образная полка для телевизора; под ней уже стоял обитый кованым деревянный сундук. На его крышке и лицевой стенке цвели тюльпаны и голубые розы. Напротив полки и сундука так же наискосок встал кожаный диван с низкой спинкой, на него Домна Федоровна кинула мохнатую овечью шкуру.

Через пол горницы пролегли две яркие, словно радуга, тканые дорожки. Они вобрали в себя все цвета горницы: лазурный, медово-медный, черный, белый, пурпурный, солнечно-желтый, фиолетовый, зеленый. На сегодня убранство дома было завершено.

Уходя, на пороге я еще раз окинула взглядом горницу. Пространство ожило и заиграло, в доме появилось движение.

На следующий день мы убрали кухню и расставляли цветы. На восточное окно детской комнаты поставили невысокое пока виноградное деревце, в спальню внесли столетник и два выкинувших цветки, но не распустившихся еще цикламена.

— К свадьбе подспеют, — сказала знахарка.

Детскую и спальню хозяйка с молитвою убрала иконами: в правом углу детской на готовой уже полочке поставила образ Николая Чудотворца, а в спальне — Божью Матерь.

В горнице верхние полки этажерок мы украсили фиалками в горшочках, между окном и телевизором поставили в глиняной кадке раскидистую китайскую розу. Ее тонкий аромат тут же заполнил дом.

На каминной полке теперь стояли два трехрожковых кованых канделябра, в каждый из них я вставила по три праздничных свечи — красных, увитых золотой лентой.

После обеда обустраивали кухню. Здесь уже стоял стол-короб, висели резные шкафчики темного дерева с красочной росписью по дверцам. Также красочно сплошь были расписаны и фанерные дверцы кладовой, пропитанные, в тон шкафчикам и столу, темной морилкой. По стенам мы развешали деревянную утварь и медные ковши. На окошко — аркой — тюлевая занавеска с оборкой. На широкий подоконник поставили золотой ус и пахучую комнатную мелиссу. Между ними — глиняную мисочку с наговоренной морской солью. На полотенцедержатель рядом с мойкой повесили вышитые льняные занавески, а по углам — лук в чулке и связки красного перца. Стол застелили яркой клеенкой — подсолнухи на пурпурном поле. Перец, пурпур клеенки и терракотовый кафель в углу над плитой тут же запыльхали маленькими кострами.

На стены коридора, ведущего в ванную комнату, мы приладили кашпо с плющом. Его разросшиеся лианы с мелкими крестообразными листочками заняли все пространство стены. На окно прихожей (западное) хозяйка поставила раскидистое денежное дерево и две герани по его бокам для укрепления западных токов и очищения пространства. По деревянному полу коридора раскатали тканую дорожку: черные, желтые, красные, коричневые нити с вкраплениями парчи (металлические нити усиливают энергию металла в западной части дома). На очелье окна знахарка повесила старинное монисто для привлечения

токов богатства. Входное пространство прихожей лишь застелили циновкой: все остальное было уже готово (в нишу справа встроен шкаф-купе, на стенку прибита красивая кованая вешалка).

В ванной комнате нам, по сути, делать было уже нечего, но я все равно зашла полюбоваться отделкой. И не пожалела об этом. Белая сантехника, золотые краны и рукояти смесителей, бирюзовый кафель, и, конечно же, шкафчики красного дерева с росписью. В такой же шкафчик была встроена и мойка а над ней (у меня даже перехватило дыхание) — овальное зеркало в потрясающей резной деревянной раме...

— Ну, кажись, все закончили, — сказала хозяйка, довольно потирая руки. — Пошли, доня, наши мужчины там уже, небось, ужин сготовили.

Но я, как зачарованная, ходила из комнаты в комнату и не могла налюбоваться, насытиться этой разнообразной, пышной, волнующей гармонией красок и форм.

— А можно я здесь... переночую? — тихо спросила я.

— Э, нет, донечка, — сказала, как отрезала, хозяйка.

Мне сразу стало стыдно за свой, в сущности, не очень-то приличный вопрос.

Знахарка поняла мое смущение:

— Не то, что мне жаль. Просто, донечка, в нежилом доме ночевать нельзя.

— Как же нежилом? — удивилась я. — Он же так и дышит жилком!

— А так. Дом, доня, всегда строится на чью-то голову. Кто первый в нем переночует, тот помрет скоро. Знаешь приметку — перед тем как новый дом въехать, кошку наперед пускают?

— Знаю, конечно, мы и сами с Володей так делали. Только кошка потом куда-то пропала...

— Так вот лучше пусть кошка пропадет, чем человек! Так что ночевать до свадьбы тут никто не будет.

Я последний раз оглядела горницу, впитывая в себя ее теплую красочную атмосферу, и мы пошли домой.

Несмотря на усталость, мне никак было не уснуть. Снова и снова я возвращалась в чудесный дом Федора — рассветную детскую, жемчужно-лиловую спальню с аметистовыми светильниками; мне грезилась червонные сполохи в углах кухни, расписные тюльпаны и голубые розы... Но больше всего притягивала меня горница; странное дело — несмотря на темный пол и темную мебель, она была полна солнцем и небом. И вдруг я подумала, что эта новая горница вобрала в себя весь донской край, с черноземом его пашен внизу, бесконечной синью небес и сиянием солнца — вверху. Эта мысль подняла меня, пронесла над бирюзово-солнечным краем, и пришло понимание того, что такое — дом как Мир и мир как Дом...

[1] Глава 9

[1] Оберег

— ... да дядьку Степана — к нам. Старушки лягут с Дашуткой в хате. Молодежь в сарае. Человек тридцать поместим. Остальных — по станишникам. Гуторила с кумами, примут гостей?

— Гуторила, примут. Ты вот что, Алеша, у себя на пасеке тогда ляжешь, а я в летнике — все равно не спать.

Умываясь на дворе, сквозь виноградник я прекрасно слышала разговор хозяев. Речь, по всей видимости, шла о том, где и как размещать гостей.

— Здравствуйте, — я вышла к хозяевам из-за стены винограда.

— Здорово ночевала, доня! — поздоровались со мной хозяева.

— Слава Богу! Домна Федоровна! Чем помочь? Чем заниматься мне сегодня?

— Ты посиди пока с нами, Дашунь. Зараз, мы разберемся тут... — и хозяева продолжили обсуждать вопросы приема гостей уже в моем присутствии.

Стариков, как наиболее уважаемых людей, Калитвины собирались поселить у себя в доме. Старушек — со мной в "хате-больнице", тех, кто помоложе, устроят на ночлег в том самом сарае, где прошлым летом жила моя экспедиционная группа. Остальных гостей примут живущие в станице бесчисленные кумовья Домны Федоровны и Алексея Петровича. Разместить надо было человек семьдесят (это только родственники из дальних станиц и городов), а всего на свадьбу ожидалось около трехсот гостей. Обсуждая детали, хозяева старались предусмотреть все, чтобы гостям у них в доме было комфортно и не хлопотно. Меня поразило, как пекутся они о всяком госте, помня о привычках и предпочтениях каждого.

Убирая посуду после завтрака, я спросила знахарку:

— Тетя Домна, а почему гостей вы селите в домах, а сами с Алексеем Петровичем собираетесь ночевать Бог знает где? Гостям и так — отдыхать, веселиться, а вы на ногах все время, в бегах, в заботах, вот вам бы и отдохнуть...

— Потому что справный хозяин ночь не доспит, а гостя заберечь должен.

— Ну ладно одного-двух, но это же физически невозможно — угодить на такую толпу!

Хозяйка окинула меня строгим взглядом, но ответить не успела: приехал Федор, и мы пошли встречать его. Сын знахарки привез из станицы посуду, взятую напрокат у родни и знакомых. Мы перетаскивали коробки в летнюю кухню и принялись разбирать кастрюли, сковородки, тарелки, миски, салатницы, рюмки, стаканы, фужеры, вилки, ложки и ножи. Мне надо было протирать все это смоченным в уксусе рушником, а Домна Федоровна вытирала их насухо, сортировала по размеру и стопками складывала обратно в коробки, но уже подписывая — "тарелки глубокие", "тарелки мелкие", "блюнца"... Помня ее недовольный взгляд, когда спросила ее, зачем заботиться о гостях в ущерб себе, я решила больше не затрагивать эту тему. Но знахарка сама вернулась к разговору:

— Гость, доня, в дому — Божий человек. Неважно, один он или тысяча их. Он — пришлец из задомья, с ним обращаться надо ласково да бережно.

— Из чего пришлец?

Из задомья, — и, видя мое непонимание, пояснила. — Ну есть дом — это твое, ближний круг, а задомье — то, что за домом, чужое, дальнее. Человек, приходящий в дом к тебе из дальнего круга, опасность в себе таит.

— Какую же опасность может таить человек, если вы сами его пригласили в гости?

— Я-то пригласила, но станет ли он гостем — уже от хозяина зависит.

— Что значит — станет? Кто в дом пришел, и так гость...

— Нет, донечка. В дом к тебе приходит чужак, пришлец. Он с собой несет токи неведомые, опасные. Никто не знает, где ходил этот человек и что он делал. Может, грех у него на душе тяжкий. Или

злобу таит на кого-то. Чи просто видал что плохое. Все это с собою он носит и может тебе оставить, коли не понравится ему под кровом твоим. А ежели хорошо человека пришлого принимаешь, волнуешься об нем пуще себя самого, то он становится *гостем*, — последнее слово знахарка произнесла с особой значимостью.

— Гость — это какой-то особый статус?

— А ты в само словечко вдумайся-то, — вкрадчиво сказала целительница.

— Ну... гость и гость, все понятно.

— А вот и нет. Гость — господин жилища, под кров которого он вступает. А хозяева ему прислуживать должны.

— Ну уж это слишком, Домна Федоровна! Хозяин в доме главный, а гостю как раз многое не позволено, недаром же говорят: "будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях".

Знахарка метнула в меня такой ледяной взгляд, что я поняла, что сказала нечто совсем неподобающее.

— Гость, пока у тебя он гостит, в дому твоём — Господин, — поставила точку она. — А господин, потому что пришедший к тебе — посланник Господа. А может, и сам Господь в человеческом облике. Вот и думай, ладно ли будет — Господу не услужить. Не так примешь — разгневется на тебя, и счастье из дому унесет. А забережешь по всем правилам — еще добра прибавит.

Одна коробка была уже наполнена тарелками до самого верха. Хозяйка закрыла ее и отодвинула в угол.

— Гостя не кормят чем похуже да подешевле. Все лучшее в доме — гостю, и кушанья, и постель. Последнее отдай, а нет ничего — у соседей пойдй займи. Наши прадеды для гостей отдельное поле держали и баранов, хаты гостевые специально строили. И кто хотел, мог придти да попроситься на ночлег — отказать не можно было никак! Это, говорили, Боженька по земле ходит, смотрит, как люди друг к другу относятся. Как ты к гостю, так и Бог к тебе. Мы, донечка, на этой земле тоже ведь только гости. А посмотри, сколько всего нам белый свет дает! И солнышко, и просторы, и землю с плодами, с растениями, со всякой живностью, и моря синие, и реки глубокие... Лучшее отдает нам! Так ежели тебя в гостях тут, на земле, так принимают, неужели же ты не примешь гостей своих хорошо да ладно? Только черствый сердцем может гостя обидеть. Ну, и расплачиваются за то — хворьбой да разладом. Служение гостю — то твоя благодарность Миру за свет да добро.

— Надо же... об этом я не думала.

— А наперед думай. Гостю прислуживай, но и дом свой от него оберегай. Разные люди есть. Кто с праведной душой, а кто с черной.

— Оберегать — как?

— Двери, пороги — закрестить, освятить. Тебе Алеша про то рассказывал. В проемы дверные свечи с церкви освященные повтыкать. И железа поболее...

— Железа?

— Железа, да. Цепки, подковки, гвоздики — все сгодится. Под порожек гвоздиков набросаешь, они любой умысел злой в себя утащут, когда пришелец через порог ступать будет.

— И вы что, тоже будете гвозди под порог кидать?

— Обязательно! Под пороги, у калиток, у ворот — всенепременно. Федор *штуки* наковал, сегодня-завтра будем их по двору бросать да развешивать.

— Штуки? Что это? — не поняла я.

— Знаки бережные. Как с посудой управимся, сбегай на кузню до Федора, он покажет. Да про знак кипарисовый спроси, он его, кажись, сделал уже.

Посуды было столько, что мы с Домной Федоровной едва успели к ужину разобрать ее и вновь упаковать. После еды Федор (которому мать уже успела шепнуть, чтобы он показал мне *штуки*) взял меня, словно маленького ребенка, за руку, и, ни слова не говоря, повел в кузницу.

Из всех хуторских строений кузня находилась дальше всех от хозяйского дома и ближе всех к новому дому Федора. Крытая черным толем, с закопченными окнами, с навесом на четырех широких столбах, под которым находились всевозможные кузнечные инструменты и рабочие заготовки Федора. Впечатление кузница производила зловещее. Она стояла в отдалении от всех жилых строений — дальше была только степь, где свистел в травах ветер, время от времени залетающий сюда поиграть со звонкими коваными цепями. Этим звоном и встретило нас обиталище кузнеца... Пустынная местность, тихий звон, красное зарево огня в темном квадрате кузни — от всего этого на миг мне стало страшно. Федор почувствовал мое состояние, сильнее сжал руку; перед самым порогом приобнял за плечи, подтолкнул вперед. Я вошла, вдыхая запах огня и железа, с любопытством оглядываясь по сторонам. Никогда до этого мне не приходилось бывать в кузнице, но я была уверена — такой кузни не найти больше во всем свете. Напоминала она мастерскую художника: всюду валялись чертежи и рисунки — кружевные узоры оград, перил, козырьков; на железных полках стояли в вазах кисти для живописи, в беспорядке лежали карандаши, угольники, циркули... В очаге гудел огонь (Федор не гасит его с утра до вечера); рядом, словно жертвенники какого-то языческого бога, возвышались три наковальни — большая, средняя и маленькая. В самом центре просторного помещения стоял высокий, обитый листами светлого металла, топчан, чем-то напоминавший операционный стол...

«...Федька — колдун так колдун: старую бабуся на молодую дивчину перековать может!..» — вспомнились мне слова мастера Андрея. Я глянула в суровое лицо Федора и подумала, что кузнец, как и печник — богов брат, только бог его древний, темный, грозный, необузданный, еще не связанный границами добра и зла. В темноте, разбавленной закатным светом, едва сочившимся из низкого окна, Федор и казался мне таким древним богом-кузнецом. Он будто прочитал мои мысли, усмехнулся:

— Как тебе в гостях у кузнеца?

— Сказочно, — улыбнувшись, ответила я, и, чтобы смягчить неловкость, в шутку спросила. — На какой же наковальне ты старых на молодых перековываешь?

Федор сверкнул очами:

— Здесь ее нет.

Он произнес это так серьезно, что я поверила мастеру Андрею!

— А где же она?

— У кума в лесу, — произнес кузнец так, словно я знаю, кто этот невесть откуда взявшийся лесной кум.

— А...

— Знак тебе вырезал я, — оборвал меня на полуслове Федор. — Держи.

Он порылся в лежавших на подоконнике заготовках и протянул мне небольшой деревянный кругляшок, плоский, как медаль.

— Спасибо, — я стала рассматривать кругляшок. Он и был похож на медаль, или на большую монету: по краям сделаны поперечные насечки, на одной стороне вырезано лучистое солнце, на другой — две волнистые линии, одна над другой.

— Федя, расскажи мне, что это за знак?

— Андрюшка разве не говорил тебе?

— Нет... мы с ним только таблицы написали — цветов и символов.

— Знак этот зовется «Божья вода» или «Хляби небесные». Означает он воду крещенскую, когда с небес разверстых благодать на все земные воды сходит. Этот знак защищает сон от дурных видений, убаюкивает и помогает росту.

— Росту? Какому?

— Любому — росту человека, ребенка... Волосы растут от него дюжа.

— Волосы?

— Ага. На гребешке такой знак вырезать — волос так и попрет.

— А если я его в изголовье повешу, у меня тоже волос расти начнет?

— Начнет. И сама ты расти начнешь.

— А я-то как? Взрослая ведь уже, в моем возрасте не растут.

— Телом не растут, а душой в любом возрасте расти можно. Да ты сама почувствуешь. Как в изголовье поместишь, так во сне летать начнешь.

Солнце легло на горизонт, и в кузне стемнело совсем.

Ну, — сказал Федор, — штуки тебе посмотреть надобедь? Пошли на свет, тут не увидишь ничего.

Федор подхватил деревянный ящичек, и мы вышли на улицу. В ящичке лежало множество похожих на мой кругляшков, только они были не деревянными, а кованными из темного железа. По сравнению с филигранной ковкой Федора, которую я видела до сих пор, «штуки» казались мне сделанными грубо, наспех, и не Федором, а каким-нибудь мальчиком-подмастерьем, лишь недавно взявшим в руки молот. Вместе с тем, чем дольше держала я в руках каждую из «штук», тем больше притягивали они меня, и в конце концов я решила, что «штуки» эти и впрямь заряжены какой-то сильной магией. Федор сидел рядом и объяснял мне значение каждого знака.

— Это коник, — говорил он мне, — знак солярный. Токи несет солнечные, оберегает от худого слова и глазу черного. Это — древо жизни. Благоприятные токи оно укрепляет, а темные — перерабатывает...

До самой ночи сидели мы, разглядывая штуки-знаки-символы, Федор объяснял мне значение и силу каждого, я вертела их в руках, стараясь запомнить, какой дар скрывает каждая из незамысловатых фигур.

На рассвете я уже развешивала «штуки» по двору — так, чтобы незаметно было постороннему глазу, прятала их под стреху крыши, закапывала у столбов ворот. После обеда в дом явились станичные тетушки, они пришли помогать хозяйке стряпать: до свадьбы оставалось три дня. Мне же знахарка вручила большой мешок с травами, и, показав как связывать их в пучки, велела развешать эти травки по трем домам, а пуше — по Федорову, для оберега и хорошего духа.

Этим и занималась я до самого вечера, вспоминая наставления хозяйки, какую траву в какой угол и с какою молитвою вешать, а также от чего она оберегает.

Травки различались по свойствам, сторонам света, стихиям и действию. Домна Федоровна собрала их в дни солнворота*, и они как будто излучали энергию оплодотворенной солнцем земли.

*Солнворот — диалектное название летнего солнцеворота, оно же солнцестояние — самый длинный день года. Зимний солнцеворот называется у казаков «карачун».

Крапиву я связала жесткими жгутами и положила их под порог; осыпавшиеся сухие листья замела под половики. Эта, не потерявшая своей жгучести и в сухом виде, сорная травка способна остановить колдуна и вообще любого человека, пришедшего в дом с намерением навредить. Крапивным веником, сказала Домна Федоровна, выметают из хаты «нечистиков». Еще насыщает крапива солнечной «ян-силой», а будучи положена в обувь, облегчает ходьбу и гонит усталость. Под порог насыпала я и подсолнечных семечек, дающих энергию солнца и плодородия. Над каждым порогом прочла краткую молитву: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Сохрани, Господи, от человека лихого, от глазу черного, от мыслей неправедных. Молитвой притворю, крестом закрепшу. Стой, злой, не двигайся, не приближайся, оставь злобу за порогом, в хату не вноси, с собой забирай. Словам — ключ, порожкам — замок. Аминь, аминь, аминь».

По углам поместила я вверх — полынь, а на пол — лаванду. Полынный дух очищает и освежает атмосферу в жилище, не дает энергиям скапливаться и заставляет их течь по всему дому. Лаванда же отталкивает болезни, которые чародеи, коих немало на всяком празднике, любят прятать в углы, высыпая их из своих рукавов. Правда это или нет, не знаю, но в дезинфицирующих свойствах лаванды сомневаться не приходится (недаром же ее кладут в одежду и кидают под пол, как защиту от моли и грызунов). Поднимавшийся снизу теплый аромат лаванды и спускавшийся сверху степной запах полыни, смешиваясь, создавали тонкий и свежий дух, от которого на душе и в мыслях становилось ясно и радостно. Углы я убирала травами также с молитвами, на каждый угол — своя особая архангельская.

Стодарнику (юго-восточный угол) соответствовала молитва Уриилу Архангелу:

[цитата]

Святой Архангеле Божий Урииле, Светом Божественным озаряемый и преизобильно исполненный огнем пламенной горячей любви, брось искру огня сего пламенного в мое сердце холодное, и душу мою темную светом твоим озари. О, великий Архангеле Божий Урииле, ты еси сияние огня Божественного и просветитель помраченных грехами, просвети ум мой, сердце мое, волю мою силою Святаго Духа, и настави меня на путь покаяния, и умоли Господа Бога, да избавит меня Господь от ада преисподняго и от всех врагов, видимых и невидимых, ныне и присно и во веки веков. Аминь

О, святые Господства, всегда пребывающие пред Небесным Отцом, умолите Иисуса Христа, Спаса нашего, да запечатлеет царственную свою в немощи силу и дарует нам благодать, да очистимся этой благодатью, да возрастем этой благодатью, да исполнимся верой, надеждой и любовью.

[конец цитаты]

Юго-западные углы я закрестила молитвой Архангелу Михаилу:

[цитата]

Святой Архангеле Божий Михаиле, отжени от меня молниеносным мечом твоим духа лукавого, искушающего мя. О, великий Архистратиге Божий Михаиле — победитель демонов! Победи и сокруши всех врагов моих, видимых и невидимых, и умоли Господа Вседержителя, да спасет и сохранит меня Господь от скорбей и от всякия болезни, от смертоносных язв и напрасных смерти, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О, святые шестикрылатые Серафимы, вознесите благомошную молитву вашу ко Господу, да смягчит Господь грешные ожесточенные сердца наши, да научимся верить Ему, Богу нашему, всех: и злых, и добрых, научите нас прощать обидчиков наших, дабы и Господь простил нас.

[конец цитаты]

Северо-западный угол был посвящен Архангелу Рафаилу:

[цитата]

О, великий Архангеле Божий Рафаиле, приемый дар от Бога целить недуги, исцели неисцельные язвы моего сердца и многие болезни моего тела. О, великий Архангеле Божий Рафаиле, ты еси путеводитель, врач и целитель, руководствуй меня ко спасению и исцели все болезни мои, душевные и телесные, и проводи меня к Престолу Божию, и умоли Его благоутробие за грешную мою душу, да простит меня Господь и сохранит от всех врагов моих и от злых человек, и ныне и до века. Аминь

О, святые богоносные Престолы, научите нас кротости и смирению Христа, Владыки нашего, даруйте нам истинное познание своей немощи, своего ничтожества, даруйте нам победу в борьбе с гордостью и тщеславием. Даруйте нам простоту, око чистое и смиренное сознание.

[конец цитаты]

В северо-восточный угол поместила я травы с молитвой Гавриилу Архангелу:

[цитата]

Святый Архангеле Гаврииле, радость неизреченную с Небес Пречистой Деве принесший, исполни радостью и веселием сердце мое, гордостью преогорченное. О, великий Архангеле Божий Гаврииле, ты еси благовестил Пречистой Деве Марии зачатие Сына Божия. Возвести и мне, грешному, день страшной смерти Господа Бога за грешную мою душу, да простит Господь грехи мои. О, великий Архангеле Гаврииле! Сохрани меня от всех бед и от тяжелой болезни, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О, многоочитые Херувимы, воззрите на безумие мое, исправьте ум, обновите смысл души моей, да снизойдет на меня, недостойного, премудрость небесная, дабы не согрешать словом, дабы обуздать язык свой, чтобы каждое деяние было направлено к славе Небесного Отца.

[конец цитаты]

Над окошками в маленьких пучках я развесила зверобой, шалфей, ромашку, чабрец и тысячелистник. Смесь этих трав должна защитить дом от завистливых взглядов, дурных пророчеств на семейную жизнь и порчу неплодства. Под кровать молодым настелила я ветви можжевельника, орешника (стабилизируют и усиливают энергии, защищают от порчи, наведенной на вещи) положила тысячелистник и чабрец (очищают пространство, разжигают любовный жар, дают плодovitость).

Когда пространство всех трех домов было очищено и защищено травами, я принялась за оберег фасадов. Здесь моим «оружием» были чертополох — гроза «нечистиков» и зверобой — травка, известная тем, что, пока она жива, то вбирает в себя солнечный свет, а засыхая, отдает его. Подвывая на красных шнурах под стрехи пучки чертополоха и зверобоя, неслышно, одними губами я шептала заговор:

[цитата]

Стану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чисто поле. В чистом поле есть стоит замок. Господи, благослови дверечки, воротечка, трубочки, окошечка, благослови, Господи, весь мой благодатный дом. Округ моего дома каменная гора, железный тын, Иисус Христос, Богородицын замок. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

[конец цитаты]

Защитив фасады, я принялась за праздничную зону — сад и внутренний двор, над которым уже натянули огромный тент (под ним будут стоять пиршественные столы). На столбы, держащие тент, вверху и в низу вешала я крупными связками зверобой и пижму. Травы эти, напоенные степным солнцем, защитят, очистят, предотвратят ссоры и драки, и не позволят гостям чрезмерно злоупотреблять алкоголем; каждый выпьет ровно столько, чтобы не потерять человеческий облик.

Убирать травой дома я закончила только к концу дня. Странное дело: обычно применение заговоров и молитв оставляло меня без сил, а сейчас, напротив, я чувствовала прилив энергии и свежести. Лившийся со всех сторон запах трав сопровождал меня повсюду, даже запахи кухни, на которой варилось, жарилось и пеклось что-то немислимо вкусное и ароматное, не перебивали тонких дух сухой травы. И с этим духом входили в меня какие-то неведомые, оживляющие, бодрящие силы. Я хотела спросить знахарку, отчего так происходит, но Домна Федоровна была вся в кухонных заботах, и я решила не отвлекать ее вопросами.

Следующие два дня пролетели в предсвадебных хлопотах. С утра до вечера на хутор приезжали машины — с продуктами, столами, лавками, табуретками, свадебной атрибутикой и еще всякой мелкой всячиной, перечислению и описанию которой можно было бы посвятить не одну страницу. Я то помогала на кухне, то украшала гирляндами, шариками и лентами опоры тента, ворота, дома и деревья. И удивлялась сама себе: в другое время я бы с ног валилась от усталости, а тут летала из одного дому в другой, с база на улицу, из сада в летнюю кухню. В ногах, руках и голове ощущалась необыкновенная легкость...

За день до свадьбы приехала невеста Федора, Ирина. Остановилась она не на хуторе, а в станице: по казачьим законам, невеста не должна ночевать в доме жениха до свадьбы. Поэтому увидеть ее до торжества мне не удалось.

И вот — свершилось. Два дня хутор жил праздничным весельем, застоьем, нарядами, лицами — породистыми, яркими, южными, звонкими донскими голосами, перетекавшими из тоста в песню, и обратно, в нескончаемое «горько!». Вихрь праздника захватил меня и растворил в своем красочном веселье, вплел в грандиозное действо свадебного обряда, как вплетают цветы и травы в яркие купальские венки...

Таким купальским венком и запомнилась мне эта свадьба, и под мерный стук колес и баюкающее покачивание вагона снились раздольные песни, летящие далеко в степь и разноцветные сполохи платьев, цветов, украшений, подарков, завернутых в яркую бумагу. Снились мне жгучие глаза мастера Андрея, сидевшего за свадебным столом прямо напротив меня, и — лицо невесты, будто списанное с меня в юности... В первый момент, когда я увидела невесту Федора, выходящую с ним под руку из церкви после венца, это сходство так поразило меня, что я открыла рот и стояла столбом, забыв про зерна, хмель и денежную мелочь (все это лежало в решете, которое я держала в руках; вместе с другими гостями я должна была осыпать молодых при выходе из церкви).

От Калитвиных я уехала на третий день свадьбы: меня с нетерпением ждали в Институте (к началу учебных занятий я уже опоздала). Хозяева, внимательные ко всем гостям, не забыли и обо мне: проводили до вагона, одарили гостинцами, завернули с собой остатки свадебных угощений. В отдельную сумку заботливая знахарка сложила мне кипарисовые ветви, можжевельник и кипу различных трав для оберега и очищения дома.

Встречать меня было некому; приехав домой, я разобрала сумки, разложила прямо на полу подарки и... решила ничего не двигать и не делать без Володи. Сидя в пустой квартире, я вдруг ощутила нас с мужем как единое целое, связанное намного более сильными узами, чем супружеские обязательства. Целым предстояло стать и нашему дому, но произойдет это не раньше того момента, когда каждый из нас вернется

к своей глубинной сущности: мужчина — к мужской, а женщина — к женской. Осваивать эту, женскую сущность я и решила на первых порах: блюсти чистоту, изгонять пыль и грязь, убирать лишнее, готовить еду и наполнять дом любовью. Ведь я — женщина, и дело мое — хранить и поддерживать очаг, в котором когда-то Первобог испек праматерь всех людей и наделил душою...